

Цена 20 коп.
Индекс 72996

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

3
(872)

ISSN 0132-2141

Александр Моралевич

Путевый Птенец Пингвина

Считается данью традиции, чтобы в кратеньком предисловии к книге автор сморозил что-либо юмористическое, как-нибудь оглушительно сострил на свой счет, раскошелится на какую-нибудь свежую мысль.

Но нету у автора ничего. Все, что было у него на данный момент, вложено в данную книжку. И, в стиле У. Фолкнера, распорядившегося сделать на своем надгробии всего только надпись: «Он писал книги и умер», — хочется автору сообщить: «Он пишет фельетоны и все еще жив».

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 3

АЛЕКСАНДР МОРАЛЕВИ"

**ПУХОВЫЙ
ПТЕНЕЦ
ПИНГВИНА**

Дружеский шарж и рисунки В. ШКАРБАНА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1981

Если держаться канонов, то фельетону положен только один зачин, если он есть вообще.

Мы зачинов сделаем два.

Первым будет зачин еретический — за всемерное развитие бюрократизма на родине.

Вообще родина искореняла бюрократизм — где могла и как только могла. Лишь в одной шекотливой сфере родина насаждала бюрократизм всемерно. И настолько он там был могуч, что имелось всеобщее мнение: ну, его-то не перескочат, не одолеют.

Но оказалось, что тот специфический, наигуманный бюрократизм все-таки оставляет лазейки и, стало быть, растить нам его и растить, коли имеются случаи, как приводимый ниже.

Второй зачин: ведутся разговорчики в философской среде, что человечество много счастливее одного человека, потому что у человечества было куда более длинное детство. Это, признаем, высокие умствования, это пускай себе говорят в философской среде, на это нас зло не берет. А зло нас душит, когда сроки счастливого детства возмутительно разные у двух ровесников, проживающих в одной местности. Когда у одного детство длится положенный срок и счастливо, у второго же — по воле тамошних борцов с бюрократизмом — детство становится короче воробьиного носа.

© Издательство «Правда». Библиотека Крокодила. 1981 г.

Итак, сперва проживающий в Хабске Б. жену свою нежно кохал. Неземной она ему представлялась, а равно и он жене — полубогом. Но однажды полубог с прихлюпом выпил из блюдечка чай, что его развенчало в глазах жены пока еще просто в люди и неотесы. А неземная, за комплекс нерасторопностей с супом, понизилась в глазах мужа даже до заземленной.

Тут бы, конечно, иметься этому связующему звену, этому суперцементу семьи — ребенку, и подружили бы мать с отцом родительские собрания, совместное написание сочинений для пятого класса: «Павлик Морозов, ты в нас!»

А не было ребенка в семье. И до четырех раз каждый год покидал Б. семейный очаг, и все реже к очагу возвращался.

Документальность жанра урезает нас от живописаний одинокой у очага гражданки Б. Но поступки ее поддаются документированию.

За окном несовершеннолетние обоих полов, а среди них племянница Б.— Наташа, с большой самоотдачей играли в прятки. «Эники — беники ели вареники»... По порядку стояния Наташе полагалось быть «беники», но такая удача не состоялась, потому что «беники» были отозваны тетей в дом.

— Сядь! — повелела гражданка Б.— Извлеки ручку и умкни перо. Пиши. «Председателю Хабского горисполкома Колесову от гражданина Б. Прошу Вашего разрешения усыновить мальчика из Дома ребенка». Теперь учини подпись: «К сему гражданин Б».

И после учинения подписи егоза Наташа влилась в прятальную игру, а тетя ее поспешила в Хабский горисполком.

Там, в отделе попечительства и опеки, от гордости за высокий гражданский порыв супругов Б., заявление прочитали аж стоя.

— Волнительно, крепко написано,— сказали в отделе.— А чего же сам заявитель, товарищ супруга, не пожаловал к нам вместе с вами? В таких делах предписано супругам являться вместе.

Но тут же устыдились своего бюрократизма работники отдела опеки, тут же обрисовался в воображении их облик Б., заявителя, конечно же, занятого в данный момент ударным трудом, и причина неявики — именно в этом.

И в отделе опеки дали ход заявлению. Конечно, видели патронессы опеки и попечительства, что детским почерком написано заявление, никак не мужчиной-ударником. Однако не стали проверять, шарханулись бюрократизма, волокиты и подозрительности.

А вопрос усыновления — наисерьезный. И поэтому всесоюзными правилами, чтобы никакое легкомыслие тут не вклинилось, никакое усыновительское трали-вали, предусматривались перед усыновлением еще здоровые бюрократические рогатки. В свете этих дополнительных рогаток горисполком должен был направить обследователя на квартиру супругов Б., человека умного, чадолюбивого, а равно

и зоркого: живут ли супруги ладно, не ленятся ли зарабатывать, устойчивы ли морально... Ведь самое главное отечественное достояние будет доверено им — ребенок!

И прикатила обследовать учительница школы № 7 Цитриняк, и весь облик ее излучал: «Я преисполнена, потому что я с миссией!»

Села обследовательница, огляделась, обратила внимание на голубоватый торшер и узорную скатерть. Гению оперативного милицейского розыска столько не скажет ворох улик, сколько сказали Цитриняк торшер и скатерть. Ну, кто может завести такие предметы? Только люди с достатком, со связями, только люди прочных моральных устоев, только люди высокой еврокультуры. И вот еще какое заключение об интеллектуализме супругов Б. родила обследовательница: «Много выписывают литературной печати».

Позвольте, а обязательная беседа с В., за чьей подписью была просьба об усыновлении?

Не провела обследовательница этой беседы. Долой формализм, бюрократизм и безверие! И, тем более, удары в мягкое слышались с улицы, и хозяйка пояснила удары: он тут, благоверный, на задворках выколачивает ковер.

(А не было его на задворках. Вообще неизвестно, где последние месяца два пил Б. кисло-сладкую.)

Таким манером еще один положительный документ приобщили к делу. И коли так, горисполком вынес решение: «Разрешить супругам Б. усыновить несовершеннолетнего мальчика С. Присвоить усыновленному фамилию В., отчество — Юрьевич».

И все же нет. Не верится. Как хотите, не отдадут мальчика в Доме ребенка в обмен на кучку ротозейских и лживых бумаг. Восторжествует единственный любезный нам бюрократизм, оградит ребенка последняя категорическая инструкция: ребенок передается усыновляющим только в том случае, если наличествуют при этом муж и жена.

— Где же ваш муж? — спросила по форме главный врач Супоницкая.

— Там,— очертила в пространстве некий сектор усыновительница.— Он стеснительный, он за бугром.

И знаете, так конкретно выглядел этот бугор, что просто читался за ним усыновитель-отец, этот сгусток сознательности, с ноги на ногу мнущийся от волнения.

Ребенка к голубому торшеру отдали.

Далее так. Далее как-то забрел Б. в бывший свой дом — дорасплеваться с женой окончательно и оформить разрыв отношений. И здесь его огорошили, что он — вполне папа.

Бывший муж взвинулся от ярости, всосал воздух ноздрями поглубже и закричал:

— Это как?

Мальчик с отчеством Юрьевич, помывающий в это время полы,

старался вникнуть в крики мужчины и женщины и, представьте, вникал.

И Б. в установленном порядке развелся. Но чтобы особенно не фордыбачил, положил ему суд удержание на сына из жалованья — четверть зарплаты.

И теперь как-то скрылся мальчик в развороте событий. Теперь в Хабске идет суд за судом. И в одном заседании, ввиду кругом подложного отцовства, признается усыновление незаконным. В другом же суде — признается законным.

— А я по тебе кассацией!

— А на всякую кассацию есть апелляция!

И совершенно забыто в пылу борьбы: а был ли мальчик? Как живется ему? Почему в судах под странным углом рассматривается вопрос об истце и ответчике?

Ведь только один здесь истец — мальчик, а все остальные во множестве, истребители части детства его — махровые донельзя ответчики.

Из случайно случившихся случаев попытаемся сочленить как бы цепь, отметив сперва, что в людях все меньше проклевывается повадка жить общественно плохо, а все больше их тянет жить общественно хорошо. И случаем первым здесь помянем, что четыре года назад в московских Новых Бубенчиках был построен превосходный микрорайон.

Но, понятно, так сразу не окультуришь территорию диковидного московского холерного кладбища времен столыпинской реакции и крепостного права. И ушли строители, соединив дома гигантского жилмассива с городом чем-то таким, что сродни индийской военной тропе, но не в начале войны, а в самом разрушительном ее конце.

Долго, может, даже два года ничто дизельное и грязечерпательное

не заглядывало в эту местность, отчего даже были два смертных случая утопления. Тогда сами жильцы вышли толпами из подъездов: впереди военнослужащие, как наиболее сознательный и сдруженный отряд, а за ними, обоюдо, все остальные категории наших квартиросъемщиков: государственные нотариусы, слесари, дипломаты, настройщики роялей и арф...

И всем миром в Новых Бубенчиках был дан бой непролазным грязям.

Так были в придомовых пространствах обузданы трясины, истреблены чертополохи и лебеда, и на складчинные деньги приобретена трава «персидский ковер», детские городки веселья и проч. А один даже жилец — ну, просто Финист — ясный сокол, а не человек! — перевернулся, ударился оземь и со своей южной родины, упакованные в дерюгу, доставил в московский двор горделивые туи!

Так красиво зажил самостоятельный микрорайон. Но еще много дальше пошли в сознательности автомобилисты домов.

— Негоже,— сказали они,— табуниться нам под самыми окнами зданий, негоже стартерной скрежетней истоньшать нервную систему жильцов. А надо своими силами строить в отдалении от домов культурные автостоянки. И милиция это приветствует, потому что со стоянок не прут машины угонщики, и машины не мешают жить населению, и преобразится антисанитарный пустырь.

И, признаем, сильны нынче правовые знания в массах. Сильна эстетическая подкованность. Однотипные, согласованные с архитектурными, ухоженные возникли перед домами стоянки. Любо для глаз и совершенно даром для государства.

Но как раз в этот момент перед домом номер пять затормозил жабьего цвета автофургон. Офицер милиции выпростался из него, за ним рядовой, за ними четверо в кацавейках. Рядовой напечатал три шага в сторону и как бы на посту встал во фронт.

— Теперь рушь! — батально повел рукой офицер.

Созидателям, надо сказать, в их благородной работе никогда не удается достичь такого самозабвения, как разрушителям. Православный инок Паисий, доносит летопись, командированный в глубины Васюганских болот для сокрушения языческого идолища железного, построенного многолетним прилежанием многих, без подручных, один сокрушил его во мгновение ока. Но даже Паисия переплюнули в рвении кацавеечники, белым днем и единым махом разнеся автостоянку дотла.

Белым днем — в этом есть свой резон: население белым днем в основном на работе, а старушки воспрепятствовать разрушителям поопасутся.

Но все же скатились во двор несколько жильцов, а среди них один очень не рядовой в ряду советских тяжелоатлетов тяжелоатлет. Собственно, люди культурные, не самосудные, выбежали они задать

вопрос: кто вы такие, варвары? Кем уполномочены сокрушать? По какому праву? Ваши документы?

— Не подходить! Уйти! — закричал в ответ на это офицер.— Не твоего ума дело, кто мы есть. А разуй глаза, что находимся мы при исполнении, и попробуй встрять — тебе холку намнут! Подтверди, рядовой: ты при исполнении?

— Это самое... точно так,— потоптался рядовой на останках стоянки. И затем отбыл анонимный грозный отряд, не оставив уверенности, что вновь не вернется.

И лишь много впоследствии выяснилось: так бывает. Сидючи в нарукавниках за переучетом унитазных бачков, самовозгораний мусора и короблений конфорок, жэковский вершитель судеб, ожесточаемый жалобами жильцов и всегдашними выкриками в свой адрес: «Шишка на ровном месте!» — однажды вскакивает с блуждающим взором.

— Значит, на ровном месте? — говорит он зловеще.— Ну, будет вам ровное место. Это мы в силах, это мы разровняем, правое нам отпущено.

И, обуреваемый периодическими вспышками грозности (вполне уже зарегистрированное профзаболевание громовержцев из жэков), выбегает громовержец к летучке жабьего цвета. С ним верные слесаря при баграх и ломах, а для важности и поскольку милицию уважают — громовержец втискивается в мундир офицера милиции, где в молодые годы работал. После чего — айда на блицкриг какого ни есть устрашения. Ну, а что касается рядового милиции, так он просто поверил мундиру офицера, просто первый попавшийся на улице рядовой был прихвачен в машину при следовании к месту карания:

— Рядовой, влезайте в машину, поедем искоренять, что я укажу. ...Некрасивости, понятно, бывают. Непозволительно, скажем, портить лик городов произвольным зарешечиванием первоэтажных лоджий.

С другой стороны, можно понять и жильцов. Когда сидят жильцы за вечерним чаем с брусничкой и требуховыми пирожками, мирно ведут беседу о найденном где-то в Сибири трехтонном образчике астрокультуры древних — как вдруг вместе с карнизом отдирается занавеска, в комнату всовываются три не в салоне «Чародейка» причесанные мужские башки, и одна башка голосом, в котором дружелюбие трижды подспудно, говорит:

— Вечеряете, цуцки? А вот щас мы вас вдоль ушей!

Точно так не раз и не два на окраинной улице Розы Люксембург в Баранске потемну всовывались внутрь жилищ диковинные хулиганские хари.

— Надо стеклиться,— тревожилось население.— Вы глядите, что происходит: по Розе Люксембург от испугов образовалось в домах больше всего детишек-заик.

Но, опять же, сильны правовые знания в массах. И пошли по инстанциям баранские лжжсембуржцы: мы понимаем, что, всяк на свой лад зарешетившись, мы фасадную испортим эстетику. Так приведите нас к общему знаменателю, адресуйте нас в мастерские для изготовления однотипных решеток и рам.

Да, за многие годы положительно надоели своими хождениями насчет решеток и рам жители баранского Юго-Запада. Никаких мастерских им не дали, но озлобление от их притязаний возникло.

И накануне лета затосковал А. Петтух, начальник баранского домоуправления номер двенадцать. Да, знал он лучшие времена. Бывало, что на сто встреч с жильцами наблюдалось от них восемь раблепни, тридцать семь вскриков ужаса и пять шараяний в сторону, — а где все это теперь?

— По машинам! — выплеснул протуберанец гнева Петтух. — Будем прищучивать!

И грузовик известного жабьего цвета пронесся по улицам Воронежской, Героизменной, Розы Люксембург. Конечно же, белым днем проводилась акция, когда взрослые на работе. К стене дома, где возможен подъезд, подпичивал грузовик, и кацавечники, стоя в кузове, с уханьем вырывали стальными баграми остекление лоджий и рамы. А в домах, к которым подъезд затруднителен, петтуховцы с короткой дистанции высаживали рамы булыжниками.

— Стойте! — закричал ветеран войны В. Настасьин. — Кто вы? Что вы делаете? Ваши документы!

— Мать честная! — ужаснулись люди из жэка. — Вот до чего дошло. Он спрашивает, кто мы. Выходит, он позволяет себе не знать товарища Петтуха? А ну, не то зашибем! Мы при исполнении!

И, с мясом вырвав остекление в квартире Настасьина, грузовик двинулся дальше, осыпая стеклянно-булыжным крошевом дома, стариков и детей.

Тогда как в городах Киве, Броварах, Саратове, Ростове-на-Дону давно уже планоо и архитектурно-ансамблево людам остеклили первоэтажные лоджии. Тогда как Пенза продает специальные рамы для лоджий. Тогда как Хабаровский горисполком просто ввел в современное домостроение эстетическое обрешечивание лоджий, и дома с этим видом удобств поступают прямо с домостроительных комбинатов. И хотя в ведении горисполкома находится много грузовиков и много багров, хотя есть даже повод для вспышки грозности (представляете? в школьном спектакле дочери ответственно-го сотрудника исполкома отвели роль феи червей и лягушек) — грузовики исполкома выезжают на местность исключительно для созидательных целей.

Сперва ряд картинок с претензией на художественность: как начинается это? Начинается это так: человек живет в изношенном домостроении. И от самовозгорания медицинских брошюр на соседнем складе домостроение сгорает дотла. Однако страховка дает погорельцу возможность внести полностью пай в кооператив и зажить себе в свое удовольствие.

Как еще прибывают люди к идеям строительной кооперации?

А так: на родном предприятии лишь через восемь лет подойдет твоя очередь получать жилплощадь, а с тещей, ввиду антиподных взглядов на жизнь и ввиду совместного проживания, уже теперь наметились данные для поножовщины и членовредительства.

Или еще каким образом человек вступает в кооператив? Да пожалуйста: неуклюжее врачебное диагностирование, затем не был заранее подготовлен, оповещен местком — и вот вместо одного ребенка рождается тройня, и сиюминутно у вас нуждаемость в площади, а у месткома нет ничего.

Или вступают в ЖСК, оставляя квартиру предыдущей жене, но желая вить гнездо с новой.

Или вступают, проживая в коммунальной квартире, на руинах, так сказать, унитаза — и вдруг наследство приваливает через «Иньюрколлегию» или бешеный выигрыш в «Спортлото-2».

Да мало ли что!

И наш соотечественник, сослуживец начинает звонить, начинает читать объявления о недоборах где-нибудь в пайшики. Здесь, неприязненно передергиваясь, он обнаруживает закономерность: во всех ЛССК на Арбате, по ул. Станкевича, в прилежащих к ул. Горького и большим гастрономам зонах — пайшиков аж перебор. Поэтому дебатироваться могут только: Теплый Стан, Черемушки Новые, Матвеевская, Лианозово.

Но пусть! Ведь дом возведут очень быстро. И не страшна отдаленность, в какой-нибудь из пятилеток и здесь будет метро!

Так человек подает заявление. Человек утверждается как кандидатура. Он обязуется внести пай своевременно. Он обязуется не зажить прежнюю площадь с руинами унитаза, оплатить освежительный ремонт этой площади и амортизацию — только стройте скорее это новое светлое здание, проживая в котором так и хочется пересмотреть себя целиком: стать лучшим, чем был, мужем, отцом, производственником.

Скоре уже человека приглашают на учредительное собрание пайшиков кооператива «Корунд» (или «Астра», «Квартет», «Мезальянс», «Добрый атом»). Нервно толкая жену в бедро, цокая языком от восторженных предвкушений, слушает пайшик доклад председателя ЖСК: какой у них будет замечательный дом, и будет еще замечательней, если собрание примет в покуда пустующие квартиры первого этажа гражданку Варакуш (гражданка вполне налаженных связей, она пробьет для дома вместо линолеума неподдельный румынский паркет), гражданина Стяблова (скоротечная телефонизация дома), гражданина Палладиева (голубые раковины на высокой ноге и кафель в симпатичную крапочку).

— Принять их! — бушует собрание. И их принимают.

А потом в период приятных волнений погружается пайшик. Ничто не страшно ему. Пусть сводка погоды предвещает на завтра ветры и обложной снегопад — пайшик в субботу утром высидится на станции метро «Новые Черемушки» с женой и дитем на руках, преодолет колоссальную свалку, овраг, болото — а там! Там пять свабоек, плюясь черным дымом, колотят бешено сваи.

Да, в стадии нулевых циклов и цоколей бурно строятся здания.

Но потом визитеры, наблюдая издали стройку (чтобы не раздражать строителей пустяковостью и непрофессионализмом вопросов), замечают, что темп затухает, что все меньше следов обуви валяной и строительных бугров отпечатывается на снегу стройплощадки.

— Что? что? что? — загружает пайшик звонками телефонную сеть. — Что стряслось? Почему заминка? Ведь немалые мы кровные деньги вносили, почему же сдвигаются сроки?

Потому и сдвигаются, что разонравился строителям данный

проект. Да, проект согласован, но теперь неприятно стало строителям, что в первом этаже замыслены магазин и кафе. Ну, зачем они тут? Хочется, знаете ли, однородности, чтобы дом был — сплошное жилье, в этом случае можно явить рекордный рывок, а так...

И много месяцев стоит дело. Однако же инстанции убеждают строителей, что магазин и кафе очень кстати этому микрорайону.

— Ладно, — соглашаются хмуро строители. — Вовлечемся. Приступим.

Снова пайшики, через плечо держа термос на лямке, а за пазухой в фольге бутерброды, устремляются в пересеченную местность, — стать свидетелями трудового рывка.

А снова нету рывка. Сдавшись насчет кафе с магазином, сказали теперь строители: а почему нам предписан такой типовой проект? В мире есть лучше проекты. Вот в городе Бразилиа или на тех же Гавайях...

— Мы умоляем, — обращаются в инстанции тысячи граждан. — В конце концов, за внесенные свои сбережения требуем: докажите строителям, что проект нашего дома очень хорош.

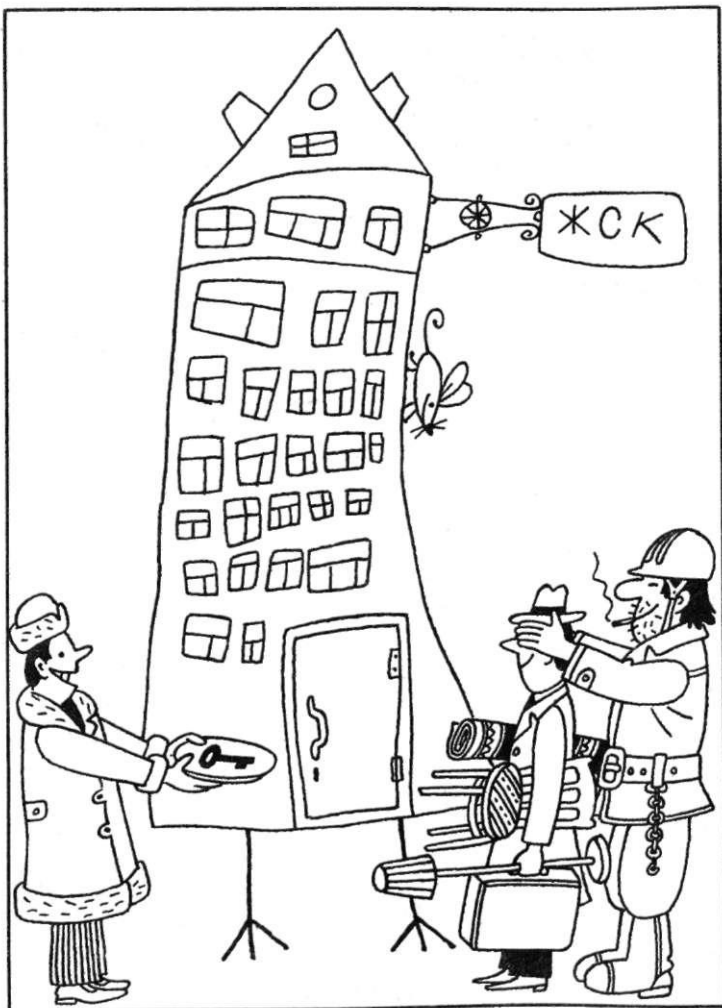
И солиднейшие инстанции, уже чуточку гневаясь, велят подрядчикам прекратить волокиту.

— Ну, пускай магазин и кафе, — запальчиво говорят строители, — пускай этот проект отличный и современный, а вот грунтовые работы в этой точке опасны. Никим образом там нельзя беспокоить пласты! — Так снова множество месяцев нет на снегу отпечатков строительных бугров. Зато, нетревожимая, уже плотно обжила стройку стая бродячих собак из семи особей. Однако, вспугнутая клаксонами и визгом буксующих шин, свора тикает в овраг. То, высадившись из пяти лимузинов, прибыла сформированная за полгода комиссия компетентнейших лиц при одном корифее. Лица и корифей сей же миг устанавливают: все строительские отговорки насчет здешних грунтов — азартное беспочвенное вранье. Здесь можно копать взахлеб, в любое время суток и года.

И все. И через некоторый исторический срок, потребный, скажем, главной молдавской футбольной команде для того, чтобы побыть спервоначалу «Динамо», потом «Буревестником», потом «Авангардом», потом «Молдовой», потом уже «Нистру», — начинается стройка. Переможены все невзгоды, в одночасье вымахивает каркас, днем и ночью вертят клювами краны.

Точно так наметился оживляж среди пайшиков кооператива «Астра». Краска вернулась на щеки их, и уже примерял себя пайшик к двухкомнатной идеальной квартире, как сидит он у телевизора с чашечкой чая и кричит жене в современную кухню:

— Ты посмотри только, Нина! Нет, «В мире животных» совсем перестало быть «В мире животных», а стало какое-то «В мире В. Пескова и кандидата наук В. Флинта»!

Наивные астровцы. Право слово, пай-мальчики.

— Денюжки!— грянул им домостроительный комбинат.— Гоните добавочно денюжки. Потому что у нас в строительстве по разным не вашего ума причинам удорожился дом, и гоните плюс двести тысяч рублей.

— Как?— застонала кооперация.— Мы вам все внесли до копейки, какие двести тысяч еще?

Признаем: прокуратура вступилась за «Астру». И Госплан сказал свое слово в защиту.

Но никто не ответил ни прокуратуре, ни Госплану. Зато трест капитальных строителей прищучил «Астру» угрозой: если в десятидневный срок не дадите денег сверху положенного, дом отберем, отдадим другим. Другое страшное письмецо обрушил на «Астру» домостроительный комбинат: коль не дадите денег, сколько нам хочется, мы не разрешим выписку ордеров, не выдадим вам ключи, а поскольку в Москве лютует мороз и тепло не подано в дом — мы снимаем с себя ответственность за действие на отделку дома мороза, а уж он там подействует!

Так строитель ломает хребтину кооператорам и председателям ЖСК, выцарапывающим в инстанциях защиту и правду.

Не будем, для краткости, уточнять, что было в «Астре», а что было в «Корунде». Одно и то же там было. Именно вот что: нервические председатели Товстоляк и Птитёв на экстренных общих собраниях говорили пайщикам:

— Граждане! Насчет двухсот хулиганских добавочных тысяч дело может утрясаться еще бесконечно, а в дом вступили отделочники. Из ста двадцати кранов для ванн уже украдено девять пять. Еще из дома украдено: двадцать восемь дверей вместе с проемами, бесчисленно паркетной плитки, фурнитуры, облицовочной пленки. Стало быть, скорость достройки дома и скорость его разворовывания совпали. Причем скорость последнего нарастает лавинообразно, а первого — угасает. По этой причине, товарищи, мы должны установить ночные дежурства в доме.

— Оружие брать свое или предоставляет правление?— раздается несправный и панихидный вопрос.

Три месяца полуночных бдений выдерживают многострадалные пайщики, а тем временем строители выкручивают руки правлению: подпишите акт о приемке дома.

В эти дни председателям ЖСК звонят невероятных калибров люди, невероятная приходит им почта.

— Алло!— раздается звонок.— Не товарищ ли это Птитёв из ЖСК «Корунд»? Говорит антарктический летчик Ценципер. Могу подарить вам пару пуховых птенцов из породы пингины Адели.

— А я подписываю акт о приемке дома?
— Так точно!
— Ценципер!— говорит сатанеющий председатель.— Становитесь тропическим летчиком. Обещаю подпись за двух бородавочников.

И только забудется человек, углубится в вечернюю прессу, скажет жене:

— Лидия, вот интересно: 1/189 оборота ротора нового генератора достаточно, чтобы выработать электроэнергии в количестве, достаточном для приготовления семисот двадцати восьми новогодних индеек в электроплите типа «Томь»,— как выпадает из газеты письмо, в котором написано обгорелыми спичками: «Председатель! Подпиши акт приемки, не то будет секир-башка. Строители брат и сестра».

Да, стояли еще председатели против угроз и увещаний, а зачем? Ведь без Товстоляка из «Астры» был подписан акт, и в архитектурном контроле — чудо!— не было этого списка. (Беда ли, что в доме нет никакой вентиляции? Акт показывает, что есть и страшно отсасывает.) И уцепили строители изрядную премию вместо начетов и штрафов.

А теперь, как мы замечаем по перелинявшим домашним животным, скоро снова зима. И как в «Астре» прошлой зимой, как в «Корунде» говорят председатели пайщикам:

— Мы сломлены, граждане. Мы подписали приемку дома. Здесь из окон свистит, не работают лифты, в восьми квартирах под дождями, хлеставшими в разбитые окна, горбом вздулся паркет. В доме нет горячей и холодной воды. Нет подводки телефонного кабеля к дому и разброски по дому провода. Но вселяйтесь, товарищи! Призываем вас вселяться без ордеров во все этажи! Целый месяц выписывают ордера в исполкоме. За этот месяц дом разграбят дотла. Нет воды? Можете в чайнике растопить овражного снега. Не работают сливные бачки? Так опять же в овраг! Все кооперативы, друзья, проходили через горнило оврага и, заметьте, никто не умер. С новосельем, друзья! А если придет милиция — на каком основании вы тут проживаете? — рыдания всех членов семьи объяснят патрулю лучше всякого ордера, что семья законна в квартире.

Так начинаются жития пайщика, и еще много лет будет он приводить квартиру в порядок. Хотя, с точки зрения английской поговорки, гласящей: «Когда дом построен — человек умирает»,— это и хорошо. Многая лета жизни строитель гарантировал пайщику.

И жизнь более-менее развивается.

Возмущает же в этой жизни теперь только одно: метод продажи в рассрочку цветных телевизоров. Вот членство в ЖСК — та же покупка в рассрочку, а что мы здесь видели? Тогда почему же, в свете такого членства и отношения к деньгам граждан, телевизоры продаются возмутительно готовыми к употреблению? Это недопусти-

мо и вредно. Надо цветной телевизор продавать с половины конвейера, а в случае претензий давить на владельца:

— Ты чего? Геть отсюда! Контрастность тебе мы наладили, линейность по вертикали — терпимая, а цвета дошлем по отдельности.

Что вам сказать о Виталии Чешуёве и горьком обороте в судьбе его? Совсем недавно еще подъезжал к своему дому Виталий на личном автомобиле бананово-лимонного цвета, сын его, Николай, ученик второго класса школы с сингапурским уклоном, открывал багажник и с веселым лицом тащил в дом авоську, где честно просматривались консервы «Дельфин в томате» и украинский хлеб поляница; жена Чешуёва, по имени Зоя, по профессии массажистка, тоже вылезала из задней дверцы с веселым лицом, и собака их — ризеншнауцер с кличкой Анонс (а как правило, это злобные донельзя собаки) — выпрыгивала с улыбкой на клыках, и сам глава семьи Чешуёв, вылезая из автомобиля, имел вид искренней души нараспашку, труженика и полноправного члена общества, годного избирать и даже быть избранным.

Славная это была семья. И проживающий в третьем подъезде кооператива «Квартет» мастер художественной фотографии Автандил Подошьянц давно затевал снять на цветной шосткинской пленке вылезание семьи Чешуёвых из автомобиля, чтобы затем дать это фото целиковой обложкой в популярном журнале как восславление прочной семьи. Но все как-то вытеснял Чешуёвых с обложки то «Великий капрон», то «Большой аммиак», то турбинная лопатка адских размеров и блеска — а теперь уже все, не подловить счастливый момент фотографу Подошьянцу. Огорчительные произошли изменения, и вот останавливается перед кооперативом «Квартет» автомобиль бананово-лимонного цвета, и второклассник с сингапурским уклоном Николай Чешуёв вылезает, держа в руках непроницаемую для взглядов сумку вместо честной авоськи, и ризеншнауцер Анонс, распусая звериные инстинкты, выпрыгивает, вздыбив шерсть и рыча, и жена Чешуёва, Зоя-массажистка, имеет ледяное выражение глаз, и сам бывший добряк Чешуёв нервно и злобно кривит губу. И никак не рассыпанным строем, а монолитом, сформировавшись в железный кулак, идет к подъезду семья Чешуёвых, и у входа сидят в шезлонгах стодвадцатирублевые пенсионеры, а лифтерша Степанида на лавочке.

И когда подходят Чешуёвы к подъезду, лифтерша Степанида, повышающая свой умственный уровень, чтобы сдать на высшую категорию вплоть до диспетчера по лифтам и техника-смотрителя, поднимает голову от пособия, разъясняющего, чем отличается флаг от знамени, и говорит сладким голосом:

— Здравствуйте, добрый день вам, пайшики Чешуёвы!

— Здравствуйте, вот и вы! — говорят также с широкой улыбкой пенсионеры.

В ответ на что Анонс, ризеншнауцер, производит зубами звук, будто в тюрьме задвинули шеколку на двери, сингапурский Николай, пользуясь неокрепостью детских шейных хрящей, отворачивает голову от престарелых аж на сто тридцать градусов, как сова, а взрослые Чешуёвы воротят нос на девяносто семь градусов, что представляет большой интерес для медицинской науки, потому что свыше девяноста градусов голова взрослых мужчин и женщин в общем и целом не отворачивается.

— Набычились,— сказала лифтерша Степанида, когда лифт пошел на девятый этаж.

— Узнали, почем в сотне гребешки,— сказали в шезлонгах.— Мы их вывели на чистую воду.

— Их мало на чистую,— сказал пенсионер Авдюков.— • Вот я на дистиллированную воду их выведу.

* * *

Были, были тяжкие времена. В коммунальной квартире, на шестом, как говорится, звонке, проживала недавно семья симпатичнейших Чешуёвых. В старое время размещался тут «Крестьянский земельный банк». В главном сейфе «Крестьянского банка», в четырех стальных стенах, и жила семья Чешуёвых. Тридцать семь баллонов газа ацетилена, не говоря уж о кислороде, истратили автогенщики, чтобы прорезать в сейфе окно. Прорезали большими трудами, а куда, опять же, выходило это окно? На брандмауэрную, впритык, стену соседнего дома, как раз на границе света и тени, где в зоне света грелся серый паук-косиножка.

— Виталий,— говорила Чешуёву жена его, Зоя.— Нехорошо, если Чешуёв-младший дорастет до того, чтобы глянуть в окно, и для него весь мир за окном будет представлен пауком-косиножкой. Сходи и похлопочи.

А Виталий, чтобы вы знали, имел надомную специальность переписчика нот «Музсоюза». Он отодвинул пятистрочные ватманские листы оперы «Сельская честь», закупорил пробочкой тушь, вытер перо «рондо» и пошел хлопотать.

— Нехорошо,— сказал он (где надо),— чтобы ребенок видел в окно одного паука-косиножку.

— Чего уж хорошего,— солидаризировались с ним (где надо).

И вызвали кнопкой в столе нижестоящую служащую, сказав ей:

— Ознакомьте товарища с перспективами.

Нижестоящая служащая была красивая, с открытыми плечами. Такую линию плеч называют волшебной. Служащая отвела Чешуёва на третий этаж. Там, в конференц-зале, из пенопласта и поролон, выстроенный на громадном толстоногом столе неизвестным умельцем, стоял в миниатюре весь здешний район.

— Вы живете вот тут,— показала служащая.

— Тут,— без энтузиазма опознал Чешуёв. И ему помыслилась комната-сейф, без единого крючочка на стенах, без полок, потому что стены не поддаются сверлежке, и шестой звонок с приписанным тушью под ним: «Чешуёвым»,— и темный подъезд, где стоят молодые люди без определенных занятий, и дикое объявление на дверях: «Требуется плотница», и облупившийся кирпич брандмауэра, и паук-косиножка.

— А будете тут! — показала служащая перламутровым ногтем.

— Тут?! — прошептал Чешуёв, и в душе у него запели первые скрипки.

Замечательно выглядело это «тут». В аллеях лесопарка с есте-

2. Библиотека Крокодила № 3.

17

ственным рельефом, возле планируемого концертного зала «Колизеум» (четыре тысячи посадочных мест), возле стадиона грядущего «Теннис — для всех» стояли пенопластовые макеты домов-башен с панорамными окнами.

— Лифты скоростные,— сказала служащая.— С подтормаживанием. Солнце попеременно высвечивает все комнаты квартир. Разрешение проблемы солнца есть высшая ступень в социалистическом градостроительстве.

Чешуёв, раздавленный такой перспективой счастья, стоял молча, сплетая и расплетая пальцы. Но потом чувство реальности, чувство момента взяло в нем верх, и робостью интонации стараясь смягчить бестактность вопроса, спросил Чешуев:

— А когда?

— В пятилетке,— сказала служащая с большим знанием.— Возможно, что даже в будущей.

— Это я не могу,— тихо сказал Чешуёв.— Это длительно очень.

— Товарищ,— даже отпрянула служащая.— Мне затруднительны ваши доводы. Вы не мыслите пятилетками?

— Я...— тушуясь, сказал Чешуёв.— В масштабе, так сказать, народнохозяйственном... Это я да! Но когда речь идет о личности, о семье — согласитесь, как-то ближе сердцу хотя бы двухлетка.

— Кооператив,— отчужденно сказала служащая.— Тогда стройте кооператив.

И возмущенно зачехлила макет, и, ступив шаг назад, осмотрела Чешуёва взглядом товароведа-оценщика: как, мол, ты, Чешуёв, в плане налаженности бюджета и последующего коопстроительства? Осмотрев же, перевернула волшебной линией плеч: не внушает. Да и могло ли внушить? Костюм явно не от «Бернарда ле Роя», галстук не от «Кристиана Диора», туфельки происхождением неприкрыто из Рыбинска, очки наипошлейшие и во всем облике, если приглядеться,— скукоженность.

* * *

— Кооператив,— сказал Чешуёв жене. А пили они по вечерам какао, и жена как раз наполняла чашки.

— А деньги? — спросила жена.

— Может быть, поехать старателем в Тикси? — грустно сказал Чешуёв.— Мне говорили, в Тикси гребут страшные деньги. В Саратове, говорят, бумажник человека из Тикси мог служить бы портфелем, а в Могилеве бумажник человека из Тикси мог сойти бы за чемодан.

— Джек Лондон! — сказала жена Чешуёва.— Белое безмолвие! Ты посмотри на себя. У тебя отмороженный в детстве нос и пупочная

грыжа. За Полярным кругом только таких и ждали.

— Тогда,— сказал Чешуёв и взял в руки лист чистой нотной бумаги,— давай здесь выпишем столбиком родственников и знакомых, у которых можно взять долгосрочную ссуду.

Тут жена Чешуёва вышла в коридорную темень, вернулась и принесла использованный трамвайный билет.

— Вот,— сказала с налетом иронии жена Чешуёва,— вот достаточное пространство бумаги, чтобы уместить на нем столбиком фамилии всех, кто изнывает ссудить нас деньгами.

И Чешуёв поник головою, признав, что все их знакомые — не денежные мешки.

В этот миг и раздался сильный короткий грохот. То забытый родителями Николай Чешуёв о стальную стену жилища разгрохал копилку «Крокодил Гена и Чебурашка».

Молча смотрели родители на своего Николая. А он, собрав с пола деньги, принес их на стол вместе с фаянсовыми ушами любимого персонажа.

— Пожалуйста,— сказал Николай Чешуёв.— И не будем вешать носы.

— Есть начало,— озирая кучку монет, сказал отец-Чешуёв.— Начало положено. Ты настоящий человек, мой сын. Будем считать, что один квадратный дециметр жилплощади мы уже оплатили.

* * *

— Пищи, пищи тебе принесла. Голодом сидишь,— сказала Чешуёву, входя без стука, соседка Констанция Викентьевна, повар-супник.— Корпишь, а кушать забыто.

— Я ничего,— разогнулся над столом Чешуёв.— Полторы тыщи на взнос наработать осталось. Кантаты три перепису, да ораторию «Плавься!» из цикла «Домна» в восьми экземплярах — как раз и оно.

— Вы себя берегите,— сказала повар-супник.— Нам тут, пяти остальным звонкам, можно дожидаться жактовского жилья, нам торопиться некуда, малых деток нету, но все же нельзя вам такой воз на себя взваливать, до такого поздна работать. И Зои нет по сию пору.

— Спасибо вам за сердечие, Констанция Викентьевна,— сказал Чешуёв.— Но ничего, мы выдержим, мы пока молодые.

— Дай вам бог,— осенила Чешуёва повар-супник, и он, обвязавши шарфиком шею, поехал встречать жену Зою с четвертой ее на дно, самой поздней работы, так как с утра Зоя работала в поликлинике, производила массаж ревматикам и растяженцам, затем Зоя бежала на вторую работу — разогревать и готовить к выходу солисток балета,

затем Зоя на такси летала по частным вызовам, массируя послеродовым дамам груди для предупреждения болезни мастита, затем, уже совсем ввечеру, ехала Зоя на главный ежедневный визит — к человеку, который всю жизнь был маленьким служащим и вдруг был двинут в громадные. Но за годы, что тот человек провел в мелких служащих, у него развилась осанка вздетого на крючок червяка, и это теперь никуда не годилось, и Чешуёва Зоя, высшей квалификации массажистка, взялась создать руководителю горделивость осанки, для чего годилась только та система массажа, что применяли к последнему эмиру Бухары Олим-хану, именно же: множественное хлестание крест-накрест по ягодицам пластиной китового уса, затем проведение куском мыла «Оникс» вдоль шишковатого позвоночника руководителя, а после влезанье с табурета ему на шею, чтобы скатиться на пятках вдоль намыленного позвоночника и фундаментально размять позвонки.

И за месяц ответственной этой и — как вначале казалось — бесперспективной работы саксауловый скрюченный позвоночник руководителя распрямился почти в молодой бамбук, и благодарный руководитель, помимо солидной оплаты, твердо обещал внедрить Чешуёвых в кооператив «Квартет», подведомственный ему.

С ночной улицы Герцена, где проживал руководитель, и забирал жену уже месяц наш Чешуёв, и бережно вел ее под руку, и спрашивал-утверждал ласково: «Устала», — а она говорила: «Не с чего. А вот ты — ты устал», — а Чешуёв, который вообще был гордец и настаивал, что в лексиконе настоящего мужчины наотрез не должно быть слова «устал», тем более — «как собака», или «до чертей», или «с ног валюсь», возмущенно говорил: «Я устал. Что за чушь!»

И так, очень взаимно нежные, строя различные прожекты, обсуждая преимущества ленинградского полиэфирного лака перед московским таким же лаком для покрытия пола, они пересекали город, входили в родимую подворотню, и традиционно из-за контейнеров с мусором выходил им встреч рослый юноша, опалая их жарким дыханием, будто змей-горыныч, опившийся немарочных дешевых портвейнов, и говорил:

— Кык вмажу в мозговину гитарой!

И тут второй юноша выступал из мрака, увещевая:

— Вить! Вить! Ведь свои. Чешуёв это с бабой своей. В сейфе они проживают, в третьем парадном. Ну, чего ты встал, Чешуёв, проходи, а то я за него не ручаюсь.

— Спасибо вам, молодежь, — от имени жены и своего лично благодарил Чешуёв, и шли супруги к себе, Зоя ложилась спать, а муж до рассвета писал партитуру оратории «Плавьясь!», и лишь изредка изпод чертежной лампы бросал взгляды на жену и на сына, сын спал спокойно, с приоткрытым розовым ртом, а жена во сне все искала

натруженными руками прохладные места на подушке, а их уже, этих мест, не обнаруживалось. Были израсходованы эти места.

* * *

Наш человек Чешуёв вырос общительным и контактным, потому что рос он с замечательными людьми в коммуналке. Массу личных высоких примеров видел он перед своими глазами.

Кто преподавал Чешуёву сольфеджио и азы музыкальной грамоты? Ныне покойный угловой жилец Вениамин Сергеевич Сидоров.

Кто заронил тягу к энциклопедизму в Виталия Чешуёва? Доцент Ю.Ф. Зет с супругой, проживающие на третьем звонке.

Кто научил его добросердечию, человечности и отзывчивости? Повар-супник Констанция Викентьевна Цапих.

И так далее, и мы благодарны за В. Чешуёва, гражданина, семьянина, коллективиста и труженика всем этим людям.

...В самой большой комнате коммунальной квартиры, где проживал Сайгак Нусратыч Кебеков, провожала Чешуёвых квартира. Были тут приставленные один к одному столы, и цветы гвоздики в двух чешских вазах, толстая белая скатерть, хрусталь, серебро — и все складчинное, ничего решительно чешуёвского.

И даже плакала Чешуёва Зоя от такой сердечности коммунальных жильцов, прикладывала руки к груди и твердила:

— Нельзя же, товарищи... Дайте нам чем-нибудь поучаствовать! — и пыталась распаковать какой-нибудь узел, но доцент Ю. Ф. Зет всякий раз брал ее за руку и говорил:

— Драгоценная Зоя, оставьте свои поползновения. Пусть вещи лежат спакованными. У меня опыт. Поверьте мне, как бывшему беженцу.

Даже к приготовлению пищи и сервировке стола не были допущены Чешуёвы. В комнате Сайгака Кебекова они сидели под большой манежной картиной, изображавшей Сайгака в расцвете лет, среди коней, пьющих воду из горной реки, и шестнадцати девушек, набирающих медными кувшинами воду чуть выше коней по течению. Так и сидела семья Чешуёвых, чувствуя себя несколько скованно, а готовила еду для церемонии Констанция Викентьевна Цапих, а носили блюда на стол две девушки, подготавливаемые ушедшим на покой доцентом Ю. Ф. Зетом, ныне репетитором ускоренных программ, одна — в стоматологический вуз по разряду челюстно-лицевой хирургии, другая — в архитектурный.

Тамадой был, конечно, Сайгак Кебеков.

— Говорят, — прокричал Сайгак, — на свете есть много нац. Сайгак не знает. Сайгак видит в мире только две нац. Сайгак делит людей только на две нац. Первый нац — хорошие. Второй нац —

плохие. Мы приходим к первой нац — нам всегда открыт дверь. Мы приходим к второй нац — там всегда закрыт дверь. Это значит — нет дома. Долой второй нац, ура нац Чешуёвых!

И выпивали, и ели, и пели песни веселые, и одну чрезвычайно грустную про:

Уж второй год сижу в центре,
В окно тюремное гляжу,
А слезы катятся, братишка, незаметно
По исхудалому моему лицу!

И все уже знали, что кооператив «Квартет» объединяет пайщиков «Зооветтеха», «Электроштабеля», рентгенологов организованных и всяких прочих людей, с бору по сосенке, среди которых и наш Чешуёв. Что на жеребьевке Чешуёвым достался девятый этаж. Что председатель правления — завотделом по борьбе с нашествиями амбарных вредителей из «Зооветтеха» и дважды болел туляремией как укушенный мышевидными грызунами. Что на такси к чешуёвскому дому никак не подъехать, потому что дорога идет под окнами гостиничного комплекса «Горняки», там из окон постоянно бросают пустую стеклотару, а один раз бросили даже диван, и даже с лежащим на нем человеком, так что таксисты боятся за сохранность машин.

И потом все стали жалеть, что такие чудесные люди, как Чешуёвы, вдруг снимаются и переезжают, что вообще переезд страшная вещь, отчего даже бытует мнение, что два переезда приравниваются к одному пожару, и потом встал вконец расклеившийся Чешуёв, и чуть не заговорился Чешуёв до того, что они с женой всех присутствующих любят так, что решили ордер сдать, остаться здесь снова и дело с концом.

И заговорился бы Чешуёв под всеобщие крики жертвенного возмущения, но спас дело телефонный звонок, и грубый голос спросил:

— Заказывали грузтакси? Выхаем!

Тут сделалось оживление, с трудом замяли неловкость и грусть, и все понесли во двор коробки, тючки, словом, скарб, и ко всему были приклеены квадратики лейкопластыря, и на квадратиках пером «рондо» красиво написано: «Обувь», «Стекло», «Наследие классиков» и все в этом роде.

К назначенному времени и протиснулись во двор два фургона, трое мрачных мужчин стали задвигать пожитки вовнутрь. А люди из всех окон бывшего «Крестьянского земельного банка» смотрели во двор на отъезд — мысленно сравнивали, лучше они живут по обилию вещей или нет, и тогда до покупки чего надлежит тянуться — и люди видели, как из-за контейнеров с мусором приблизились к первому грузтакси пятеро юношей.

— Алло, — сказал один из них тому из грузчиков, что пьянее всех и, стало быть, самый старший. — От вас пахнет брагой, и вы грубо

грузите личную собственность, нажитую тяжелым трудом. Позвольте-ка нам.

— Чего! — сказали грузчики и встали плечом к плечу.

— Того,— без восклицательного знака сказал главный юноша,— что вот среди нас стоит Витя, ему терять нечего, он второй раз не попал в пищевой институт на факультет брожения, и он запросто может вытащить шило и этим шилом пырнуть вас в печень. Представитель месткома только два раза успеет навестить вас в больнице. Нам нравится тихий Чешуёв, мы хотим ему оказать любезность.

— Пусти их, Егорий,— сказал самый младший, самый трезвый и самый резонный грузчик.— Они и, верно, убьют. В глазах-то вон — от края к краю чума. Пускай пупки себе рвут.

В два счета и весьма аккуратно пятеро юных погрузили все вещи и, проследив движение руки Чешуёва, один из них быстро сказал:

— Только не это. Просим не унижать нас подачками. Скажите нам просто спасибо. И извините, если в былом мы допускали дерзости. Вообще же мы симпатичные.

Николай Чешуёв, сингапурский спецшкольник, стоял в открытых дверях фургона и плакал. Потом он посуровел лицом и отдал двору пионерский салют. Мать обнимала его за плечи и кивала головой всем людям двора. Грузчик с грохотом закрыл дверь фургона.

Чешуёв встал на подножку и махнул в отчаянии рукой. Машины тронулись. Все прощально плескали ладонями. Молодые люди стояли у выезда со двора.

— А если,— выбросив руку со сжатым кулаком, до отказа нафаршированным килограмметрами, крикнул один юниор,— а если вас там кто обидит, позвоните сюда. Витя и в этом году все равно не поступит!

* * *

Нет нужды говорить, сколько проблем встает перед новоселом. Сколько тонно-километров набегает он к себе на этаж с вещами, покуда не оживится лифт. И будут протечки, усадки, отслоение обоев со стен, вечно засоренный упаковочной мебельной тарой мусоропровод, и промывание лап собаке Анонсу, поскольку все лапы его изрезаны подледомовым строительным мусором, и тяжелые позиционные хлопоты насчет телефона, и постоянное беганье к двери на требовательный длинный звонок, и там, конечно, цыгане, которые крайне любят знакомиться с новыми жилмассивами.

Но слынуло все, отошло, и сидел наш Чешуёв в большой светлой комнате за арабским столом, и спорилась у него работа — переписка кантаты с уклоном в героику «Родились мы босые и голые».

И для легкого разнообразия, для разминки, встал потом Чешуёв

взял кисть, жбанчик оранжевой краски и спустился на улицу.

А вот зачем он спускался. Год назад, внесши пай, купив кровать и стол республики АРЕ плюс раскладушку из гнутых металлоконструкций для сына, обнаружили Чешуёвы остаток бумажных денег на тысячу триста рублей. Обнаружили не без приязни.

А надо сказать, у многих граждан уже были автомобили. И родители Чешуёва видели, что этот красноречивый факт возрастающего благосостояния масс с неожиданной стороны больно бьет по их сыну, сингапурскому спецшкольнику Николаю.

— У него,— говорила Чешуёва Зоя, внимательно наблюдая за сыном,— может даже развиться нежелательный комплекс. Потому что все мальчики собираются сейчас и говорят: «У нас на тачке резина лысовата, и мы с папой как блок разморозили, так и не можем вылезти из этой истории. Нам подонок на СТО вместо тосола воды плеснул».

Вот на какой почве, справедливо сказала Чешуёва Зоя, возникает теперь единение и сдружение мальчиков, тогда как их Николай с потеряннным видом стоит на отшибе, он несчастен всем своим обликом, нет у Чешуёвых машины, и мальчик их, вклинившись в группу сверстников, не может довольно хмуро сказать остальным:

— Нам с отцом подогрел на «Запорожье» сгубили. Может, кто в этом кумекает, так пошли бы, взглянули.

И сказал Виталий Чешуёв жене своей Зое, как любил говаривать их бывший коммунальный сосед Сайгак Нусратыч Кебеков:

— Есть или нет, но тут что-то есть. Мы приобретем «Запорожец», чтобы изжить у ребенка комплексы.

И они поднажали еще с работой, и вскоре был куплен автомобиль бананово-лимонного цвета.

Сын фотографа Подошьянца, владеющего «Жигулями», подошел и сказал, выразился так про чешуёвский автомобиль:

— Это «Феврале» без внушителя.— И произвел губами три непристойных звука.

Норайр Подошьянец не по годам был велик. Он занимался в кружке юных биологов зоопарка, где ему в силу ростовых и физических данных доверяли уже тапира, купленного в развивающейся далекой стране на свободно конвертируемую валюту. Еще день назад Норайр Подошьянец был значим для Чешуёва-сына как бог солнца Ра для древнего египтянина. Богопослушного египтянина. И богобоязненного.

Как вдруг Николай Чешуёв — что значит изжить в себе комплексы! — прямо и коротко заехал в глаз божеству, а потом стремительно в область уха. Так постоял он за честь семейного автомобиля, утвердил себя, ополноправил в среде мальчишек и влился в нее.

И вот к этому-то автомобилю, купленному исключительно для

престижности сына, спустился со жбанчиком краски наш Чешуёв. Он включил мотор и проехал в авто тридцать метров на запад. Потом он вернулся пешком к месту прежней стоянки и на черном асфальте стал писать оранжевой краской:

МЫР 17—41

Скажем, что почти весь асфальт возле жилмассивов в Москве был расписан подобными номерами. Безобразие, узурпация земельного фонда Москвы, порочная самодеятельность — вот что это такое, а также покусительство на права Моссовета. Но выкидывали автовладелец такие фортели с писанием номеров на асфальте, чтобы другой автовладелец убоился на этом месте ставить свою колесную технику, а иначе получишь гвоздиком по полировке крыла, или шилом в баллон, или кусочек сахара бросят в бак, или кусочек магния в презервативе бросят туда же, в бак,— и до новых, как говорится, встреч в эфире, друзья.

Не писал бы, ой, не писал бы этих номеров Чешуёв, однако нервное поветрие было такое, а куда же против поветрия...

«М» — написал Чешуёв первую букву и отступил на два шага, поднялся даже на цыпочки — освидетельствовать симметрию написания.

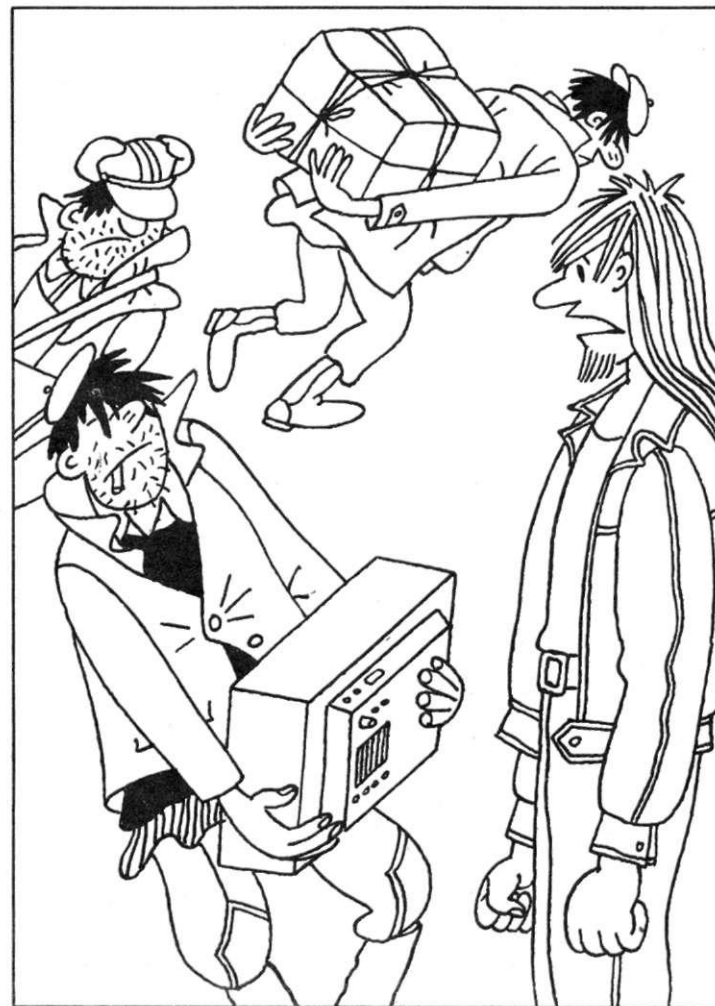
Вот в это-то время довольно громко сказал пенсионер Авдюков, прекратив поливание из кувшина кустов можжевельника:

— Я удивляюсь нашим карающим органам. Преступность вьет себе гнезда почем зря, а органы ноль внимания. Вот этот задохлик, марающий дорожное покрытие краской. Вы знаете, какова его зарплата?

И все остальные пенсионеры задвигались на парусиновых стульчиках, и один даже захлопнул книжку нанайских народных сказок в обработке Нагишкина: право же, какова?

— А зарплата его,— высоким летящим голосом сказал пенсионер Авдюков,— составляет восемьдесят четыре рубля.

Подойдя к детской песочнице, он шепочкой и написал в песке: 84.— Теперь задумаемся!— нацелил всех Авдюков.— За квартиру их взнос был три тыщи. И каждый месяц они платят квартплату сорок восемь рублей. И в месяц стоит бензин и профилактика для машины тридцать рублей, как для микролитражной. Опять же стоит такая машина три с половиной тысячи и, заметим, сиденья в машине устланы остродефицитной шкурой выделанного тельца. А через «Инюрколлегия» я, как читатель газеты «Известия», ничего такого не вычитал, чтобы какой-нибудь олигарх из штата Кентукки искал какого-нибудь Чешуёва, чтобы ввести в права наследства. Откуда же такое бешенство денег, откуда в наших рядах такой толстосум с мощной?

— Жену, жену его запишите,— сказала возрастная дама Мосягина.— Каждую пятницу себе в салоне прическу устраивает, да все «магик» название прическе. Это два с половиной за визит к мастерице, это десять рублей набегает в месяц, это надо приплюсовать!

И Авдюков под колонкой цифр приплюсовал на песке: 10.

— Вроде как и не слышит!— яростно ткнул в сторону Чешуёва пенсионер в водолазном джемпере.— Правда глаза колет! А Колька, сын его — юный следопыт. Сколько штанов на коленках надо. Пиши в месяц десять рэ на штаны!

Еще записали в песочнице: 10. Цену пса-ризеншнауцера записали: 200. И что трое видели, как Чешуиха отоваривалась в магазине «Диета» твердокопченостями, а это, ясно, цены немалые. И яйца брала оптом, четыре десятка, диетические, рубль тридцать десяток, с красным штампом на скорлупах.

— Я,— патетически-иступленно сказал в водолазном джемпере,— проверил на его этаже ведро пищевых отходов, что он выбрасывает.— Джемпер, закрыв лицо руками, выдержал паузу и ошеломил:— Хлебопродукт хала там лежал. Цельная хала!

И вся общественность завела, закатила глаза, онемела от такого цинизма данного Чешуёва. А когда разлепили веки, оказалось, что впритык стоит Чешуёв. Лицо Чешуёва горело, а глаза, как потом вспоминалось, были почти что белые.

«Башку отвернет»,— мелькнуло у Авдюкова. И он спрятался за спину Джемпера, который, как подводный исследователь, на свою максимальную пенсию вышел совсем молодым и здоровье имел отчаянное.

— Относительно же халы,— сказал Джемперу Чешуёв страшным голосом,— засохла до несъедобности во время выезда в отпуск. Так что халу по уважительной причине я затираю.

И, затерев кедой цену халы в песочнице, прошел Чешуёв нервной походкой в дом, оставив труды свои в незавершении — жбанчик краски, кисть № 2, и от всего номера МЫР 17—41 только МЫР.

— Психанул,— определила дама Мосягина.— Ворюга.

— Лет восемь дадут хищнику по девяносто третьей-прим, станет как миленький. Участкового Невару пора вызывать.

— Я,— сказал бдительный Авдюков,— этого дела так не оставлю. Меня давно отличает высокое чувство правды. Мы адресочки знаем, куда следует составить письмо. Оглянуться не успеет, как приведут в исполнение.

И тем же вечером испещрил мелкими буквами две страницы, подписавшись: «Освобожденный член общественности района».

* * *

Чешуёв сидел в шлепанцах дома, изготовлял для своих производственных нужд японскую тушь из зарайской, что достигается фильтрациями и добавлением глицерина, когда в дверь позвонили. Ризеншнауцер Анонс рычал и остервенело грыз фанеровку на двери. Чешуёв устранил собаку в комнату сына и отпер.

За дверью стояли трое.

— Можно,— с почти неуловимой вопросительностью, а скорее — даже разрешая этим словом войти двум другим, сказал передовой, выдал животом Чешуёва в прихожую,— и все трое вошли.

— Милиция,— сказал передовой, мелькнув в воздухе красной книжечкой.— Участковый я ваш буду. Невара. Имею сигналы.

Тут бы взволноваться до дрожи в руках, но нет, странная апатия сошла на Чешуёва, даже будто поклонило на дрему.

— Проходите, товарищи,— сказал Чешуёв.— Я вам какао налью.

— Нам пить нельзя,— сказал участковый Невара.— Мы при исполнении.— Был он сугубо в штатском, и другие тоже. Двое те были из уголовного розыска, и уже представление сложилось у них, что запах свежизготовленных денег в квартире отсутствует, и нету на мебели налета тонкой, как бы мыльной пылицы, сопровождающей огранку алмазов, и, судить по хозяину, вполне приличный это трудящийся, больше двух лет тюрьмы на него по всем статьям не повесить.

— Вот,— продолжил участковый Невара, а один профессионал из угрозыска на всякий случай понюхал в баночке недавно зарайскую, но уже японскую тушь,— разъясняю вам ваши права. Это не допрос, не дознание или там следствие, а простейшее собеседование. Это значит, если я спрошу, а вам отвечать неохота, то можно не отвечать.

— Очень приятно воспользоваться,— сказал Чешуёв.— Так вы насчет меня, что живу не по средствам?

— Ага,— с облегчением признался Невара, теперь избавленный от необходимости задавать ряд грубых вопросов.— Как же мы объясним? Общественность настораживается. Ваша жена получает сколько?

— Двести тридцать,— объявил Чешуёв.— До трехсот.

— Больше меня,— уважительно произнес участковый.— И вы получаете восемьдесят. Не совестно есть кусок жены? Эх, мужики. А все же и эти деньги не объясняют. Может, наследство вам было? Завешание? Дарственная?

Очень хотелось участковому Неваре утвердиться в мыслях о дарственной. И списал бы он тогда это дело.

— Нет,— сказал Чешуёв.— Не было ничего. Мы экономим. И храним деньги в сберегательной кассе. Там набегает проценты.

Тут же и представилась участковому зеленая вывеска некоей отвлеченной сберкассы, и плакатик в окне — дамочка пухлявенькая

мчится на веревке за катером, объясняя эту свою красивую жизнь стихами:

В сберкассе деньги накопила,
Путевку на курорт купила!

«Крутит,— подумал участковый.— Нахальничает».— И сказал:

— Я, товарищ Чешуёв, ничего, но профилактически предупреждаю.

— В смысле чего?— вызывающе спросил Чешуёв.

— В смысле нетрудовых доходов,— многозначительно сказал участковый.

* * *

Да, начался сущий ад.

Первые вести принес сын Николай из сингапурской спецшколы.

— Папа,— сказал Николай,— меня из юных следопытов погнали. Командир сказал, что следопыт должен хранить в чистоте анкету.

— А у тебя,— холодея, спросил Чешуёв,— чем анкета запятнана?

— Командир сказал, что у меня по родительской линии шатко.

Вторую весть принес композитор кино Иосиф Бабуц. Он транспортировал в переписку ноты музыки к кинофильму «Страхи и подоплеки». И доложим, что, когда он шел к Чешуёву, и когда от него — Бабуца вежливо брали под руку и препровождали.

— «Извините, портфельчик у вас чем загружен?»— рассказывал бледный, но тем не менее верный друг Иосиф Бабуц.— Посмотрели, полистали ноты. В комнате отдыха личного состава рояль там стоял. Один старшина взял ноты, дунул с листа. Нет, говорит, всамделишные ноты, не для отмазки. Только очень, говорит, мелодия синкопированная. А, говорят, письменно поручиться можете, что Чешуёв не международный барышник? Могу, говорю, поручиться даже, что он не лошадиный барышник. Пришлось такой документ им оставить. Признался бы ты, Виталий, во всем. В доходах своих. Прекратил свои дерзкие действия.

— Нет,— угрюмо сказал Чешуёв.— Я словом связан. Я людей выручаю.

— А тебе оперативники нервы истреплют. Вот с какой стати у тебя возле подъезда инвалид с весами от службы быта стоит второй день, предлагает всех взвешивать? Что здесь, бойкое место, крытый рынок, бани, метро? Это не просто так инвалид, это наружное за тобой наблюдение. Ты,— сказал тертый калач Иосиф Бабуц,— по простоте душевной все думаешь, что вот пионеры пришли по сбору макулатуры, а это карлики из следственного отдела, гримированные под пионеров. И никакие не цыгане звонят тебе в дверь, не погорельцы из Гомеля, не водопроводчик, не бригада по обследованию общей подвижности населения, а все под видом их — оперы. Им ничего не стоит

наружность сменить. У них резиновых масок полная пазуха, а костюмы сплошь двухсторонние. Костюм вывернул, маску сменил — и вот был только что капитан дальнего плавания, а вот уже идет за тобой заслуженный чабан Бурятской республики, участник ВДНХ.

Чешуёв, не знавший всех этих тонкостей, запаниковал.

И в «Музсоюзе» Чешуёву основательно изгадили настроение.

— Виталий,— окликнули его.— Вас требовал к себе управляющий.— С тяжелым сердцем пошел Чешуёв по учреждению — холлом, где бюсты великих композиторов, причем Паганини, если бы постричь под бокс — вылитый участковый Невара, и на второй этаж, мимо комнаты трудовой славы, где висели портреты передовиков-переписчиков Вознесенского, Кикотя, Лебедева-Анисина-Бодунова и Антонинова, и галерейкой мимо окошечка кассы, где на черной доске висели фото злостных невыполнителей плана, а среди них он сам, Чешуёв.

— Виталий,— сказал управляющий и притворил плотно двери.— Ты был мне как сын. Ты даже на переписке Прокофьева давал триста процентов нормы. Но что мы имеем теперь, и ко мне приходила милиция насчет твоих заработков. Ты живешь не по средствам. Ты стал нечестен? Отчего ты свернул производственную активность?

— Графоспазм развился,— лживо сказал Чешуёв. Сложил птичьей лапой пальцы, симулировал судорогу и показал управляющему.— Почти совсем пером не владею. Профзаболевание.

— Нет,— сказал управляющий.— Не туда ты куда-то идешь. И, может быть, я даже жалею, что стал крестником сына твоего Николая. Но мы будем биться за твое возвращение к торжеству идеалов, и я прикрепляю к тебе буксир из ударников в лице товарищей Вознесенского, Кикотя, Лебедева-Анисина-Бодунова и Антонинова.

В угнетенных чувствах возвращался домой Чешуёв. Зашедши в аптеку, он грубо сказал белой продавщице ручного отдела:

— От нервов!

Получив облатку, он съел из нее половину пилюль, но лучше ему не стало. В сумерках Чешуёв достиг своего кооператива «Квартет» и увидел пенсионера Авдюкова, вбегающего в подъезд дома-башни напротив с чем-то завернутым в плед.

— Дашь на маленькую — что скажу!— приветствовал Чешуёва монтер лифтов Барыбин.

— Да,— сказал Чешуёв.— Говори, отщепенец.

— А вот,— сказал монтер лифтов Барыбин,— видел ты, куда Авдюков побежал? Шестую ночь коротает в том доме-башне на площадке десятого этажа. Зять припер Авдюкову прибор ПНВ. Прибор ночного видения. Батарейки одни чего стоят — серебряно-цинковые. Авдюков ночами в ПНВ твою жизнь изучает.

— На,— надломленно произнес Чешуёв.— На два рубля.

И нажал кнопку вызова.

— С-ш, Чешуёв,— сказал монтер лифтов Барыбин.— Ты друг людей, я тебе еще одну ясность внесу. Подскачил ко мне третьего дня этот, в водолазном джемпере, с четвертого этажа. А что, говорит, товарищ рабочий, из чего организована обивка в кабинах лифтов, что два года уже стоит дом, а дети в лифтах ничего нацарапать не могут? А это, я ему говорю, из эпоксидных смол облицовка. Есть в науке мазь такая, эпоксидная смола. И берет ее разве что победит или эрзац-алмаз. И теперь, Чешуёв, я понял, что не зря водолазник обо всем вызывал. Сегодня целый день катал в лифте, и ты ахнешь сейчас — зачем.

Тотчас Чешуёв и увидел, войдя в кабину. Здесь нацарапано было окошко тюрьмы с чьей-то мизерной мордой по-за решеткой, а ниже и текстик:

Нашло возмездие его —
Матерый хищник Чешуёв!

— Барыбин,— спросил Чешуёв,— ты знаешь, сколько водки должен выпить человек, чтобы забыться?

— Кубометр,— сказал, подумав, Барыбин.— Не менее как кубометр. А то, может, и вообще такого количества нету.

И дома Чешуёв лег в постель, импортрованную из республики АРЕ, принял еще пилюлю от нервности, заметил также и текст на облатке: «Из побочных явлений отмечаются следующие: сухость во рту, частичное выпадение зрения, иногда смена пола на противоположный». Но столь отвратительно было на душе Чешуёва, что даже о таком тяжелом побочном явлении, как смена пола на противоположный, он безучастно подумал: пускай. Правда, будет несколько странновато — у одного мальчика две родные мамы.

И всю ночь не спал Чешуёв, ворочался, и кровать из АРЕ скрипела под ним, как парусник, раз пять обогнувший мыс Горн. И все же уснул он под утро, совершенно измотанный, с мыслью о том, что, если так пойдет дальше, то пора звонить юниорам на старое место жительства, вызывать на новое место жительства юниора Виктора, который не проходит в пищевой институт на факультет брожения, отчего и терять ему в жизни нечего.

* * *

В странном состоянии встал Чешуёв. Предвестие событий коснулось его. Женой Зосей был оставлен Чешуёву завтрак на кухне, и Виталий съел филе трески в тесте неожиданно с настроением. Недоиспользованные таблетки от нервности он выбросил в унитаз и пошел на прогулку с Анонсом.

Они гуляли в овраге сорок минут. Сверху лифтерша Степанида следила за ними в бинокль — что зарывает собака? Большие самосвальные грузовики сыпали в овраг мерзостную труху. В отдельных точках свалка горела. По бурьянам и лопухам струился желтый руинно-бомбежечный дым.

— Будет гроза,— сказал Чешуёв Анонсу.— В воздухе электризация.— И еще не выбрались они из оврага, как пошла напозать из Ваганькова палевая с лиловостью туча, водворя предгрозовую тишину внутри города. И дунуло потом, закрутило, пронеслись высоко над городом, как стая розовых птиц фламинго, сорванные с чьей-то балконной веревки в большом количестве панталоны.

— А между прочим,— смакуя факт, сообщила Чешуёву максимальная пенсионерка Мосягина,— некоторые ходят, а за ними уже пришли. На этот раз опечатают квартирку, как пить дать!

От этих слов зануло у Чешуёва внутри, и в большой человеческой тоске поднимался он на девятый этаж.

Но не участковый Невара с операми караулил под дверьми Чешуёва, чтобы взять его тепленьким и без шума, благо сын на каникулах в лагере. Нет, не Невара тут был, а четыре передовика-сослуживца стояли у дверей Чешуёва: Вознесьенский, Кикоть, Лебедев-Анисин-Бодунов, Антонинов.

Сдержанно им поклонившись, Чешуёв отпер двери, и как раз в этот миг подлетел снова лифт, принеся на этаж пенсионеров Авдюкова, Мосягину, водолазника в джемпере и Степаниду, лифтершу.

— Понятые мы!— закричала инициативная группа, адресуясь в основном к Антонинову, который выглядел очень военно, минимум на подполковника в штатском.— Настал час, когда все после обыска будет принадлежать народу!

— Отдельным представителям народа,— сказал Антонинов.— До особого распоряжения. А ну, аллегро модерато все по домам!

Антонинов затискал в лифт инициативную группу и вернулся, бравурно крича:

— Буксир по перековке нетрудовой психики Чешуёва приступает к работе!

А на кухне уже командовал Лебедев-Анисин-Бодунов, кромсал буженину, накапывал в рюмки виньяк.

— Значит,— загоготал Вознесьенский,— у тебя графоспазм? Ничего себе графоспазм! Сгни с лица похоронное выражение, Чешуёв. Выпьем за его графоспазм, чтоб еще год держался.

И четыре передовика в шуме ливня за окном выпили раз и два. В это же точно время ударило в стекла, полетели осколки и водяная пыль на линолеум кухни, и коллега Кикоть закричал про град, видать, даже не меньший, чем куриные яйца. Но то был не град, не стихия, а всего лишь зять Авдюкова принес перископ подлодки для тестя. И тем перископом, желая наблюсти события у Чешуёва,

Авдюков и вышиб ему всю раму, не удержав перископ под ветром на балконе четвертого этажа у водолазника.

Перископ рухнул в клумбы и кусты можжевельника, сломавшись при падении надвое. Ливень хлестал в его линзы и призмы.

— Но все-таки к делу,— сказали после паузы Вознесьенский и Кикоть.— Вот папка.

Он выволок громадную папку, принятую теми, внизу, за уголовное дело на Чешуёва.

— Вот «Севильский цирюльник»,— взял партитурные листы Вознесьенский.— Надо выполнить два экземпляра, а оплату записать на меня. Тут и заказ ко Дню воздухофлота, десять песен плюс подтанцовка «Мы в детстве, товарищ, с тобой на фанерных машинах летали». Это по исполнению ты запишешь на Лебедева-Анисина-Бодунова.

— Нет,— сказал вдруг Чешуёв и поднялся.— Всем вам говорю мое «нет». Больше я не могу.

— Виталий,— помертвел Антонинов и стал выглядеть на капитана, не больше.— Ты губишь нас. Чем это вызвано? Нам по году осталось до пенсии. Помоги нам выработать максимальную пенсию, исчисляемую, как известно, с заработка. Ты уже столько сделал для нас, а теперь на попятный? Ты работу выполняешь за нас, но ведь деньги мы приносим тебе!

— Не-о-фициальные! — закричал Чешуёв.— А официальных с такой загруженностью я имел подозрительно мало. И меня числят жуликом. В учреждении я повис на доске позора. Из юных следопытов изгнан мой сын! Ради чего я шахер-махер и участник в темных делах?

— Ради други своя,— сказал рыдательно Кикоть.— Ну, потерпи еще год. Надо помогать престарелым. Надо приумножать летопись своих добрых дел. Ведь каждый из нас слабоват, чтобы выработать на максимальную пенсию. Ты добр, Виталий, и ты гений профессии. Не урезай в себе доброту. Где твое высокоразвитое чувство товарищества?

— На твоём месте я спал бы спокойно,— сказал Лебедев-Анисин-Бодунов.— Велика важность — крошечное мошенство. Ты погляди, что творится кругом. Жулеж колоссальный.— И, иллюстрируя этот вселенский жулеж, сделал в воздухе жест и будто из воздуха выловил, сунув быстро в карман, пару атомов кислорода.

А ливень уже проходил, последние крупные капли шлепали в лужи, и солнце выкатилось над оврагом, и чирикнул браво первый послеливневый воробей.

— Я должен подумать,— сказал Чешуёв.

— Только ты думай недолго,— захныкали передовики производства.— Через неделю надо ноты сдавать, не губи нас, Виталий.

И, пятясь задом от задумчивого Виталия, в той последовательности,

как висели они на Доске почета, они и исчезли: Вознесенский, Кикоть, Лебедев-Анисин-Бодунов, Антонинов. А к Чешуёву, сидящему в полном смятении чувств при открытом окне, подошел его пес Анонс, восприимчивый к хозяйской печали, лег рядом и затосковал от сложностей этого мира.

Но тут бликующий солнечный луч отразился от дома-башни напротив, простой красивый солнечный луч, а не бликование стекол перископов и стереотруб Авдюкова, и Чешуёв, возродившись и почувствовав большую тягу к какао, сказал псу:

— Вам, Анонс, я должен рассказать анекдот, приличествующий событиям. Стало быть, едет трамвай, за трамваем катится голова и говорит: «Ну и попили пивка!»

И под эти слова Чешуёв взял тяжелую нотную папку, принесенную передовиками, шагнул к разбитому перископом окну и метнул папку вниз, где кандидаты в максимальные пенсионеры как раз проходили сквозь строй пенсионеров уже максимальных, извлекающих из размытого чернозема линзы и астигматы перископа.

Нет предела, как сообщает художественная литература, влюбленности людей в собственные профессии. И просто не оторвать нашего современника от вверенного ему инструмента, отчего и засыпает он в быту, не иначе как прижав к груди любимые: шабер, шрабкугель, цинубку, а иногда — кошельковый невод.

И настолько живет производственник коллективом, что нет, не портрет белобрысой очаровашки в купальнике стоит на ночной тумбочке холостого лекальщика Габузова. А стоит там в рамке из болтов и планшайб портрет сердечного друга молодежи и наставника ее на путь истинный — сменного мастера Золова.

А уж у Золова в семье обстоит дело так, что завсегда его внуки предпочтут, чтобы им подарили измерительную плитку Иогансона, а не плитку шоколада.

Но:

Вопрос этот освещается мало, тем не менее однажды холостого лекальщика Габузова посещают вдруг мысли: что за банный лист этот мастер Золов, да и весь этот цех надоел до тошнотиков!

Тоже и мастер с известной периодичностью предается мыслям о том, до чего же обрыдли ему все лица коллег.

То есть в отношении личности к коллективу и рабочему месту наступает то самое, что отражено в песнопении: «Земфира неверна. Моя Земфира охладела!»

С Земфирой, ясно, случай необратимый. Тогда как охлаждение граждан к любимым трудовым процессам может тревожить менее, поскольку оно временно: просто люди устали, им хочется в очередной отпуск. Хочется бездумности, новых лиц, новых встреч, перемены обстановки, ветерка в голове.

Извинительное состояние.

А далее человек кумекает: как же реализовать его, отпуск?

Утлы были прежние представления о горизонтах, открытых отпускнику. Не шли они дальше того, чтобы навалиться всем союзным отпускническим скопом на южные берега страны. Как бы свет клином сошелся летом на этой местности. И хотя напрягала силы индустрия отдыха, воздвигала на юге помпезные кузницы, бастионы и цехи здоровья — все же сильные недочеты претерпевал там курортник, особенно в части быта и культурной программы.

Были при этом на юге и идеальные здравницы, мечта да и только. Всем запросам и вкусам потрафил бы, скажем, известный «Артек» — но не выселять же оттуда детей!

Вот так и чухался в бульонной прибрежной воде южный курортник, бродя остальное время, влитый в прочие толпы, среди жестколистных аллеиных растений в стриже «сэссун».

Но настало, настало затем прозрение, большой сдвиг произошел в сознаниях: отпускник открыл для себя страну, что она территориально почти в целом годится для отдыха.

Кузницы здоровья, рассудил отпускник, — это хорошо. Вот когда достигнет меня опоясывающий лишай или в левом легком возникнет так называемый синдром снежной бури, — тогда можно будет прибегнуть к услугам кузниц. А пока я здоров (и ведь большая часть населения безусловно здорова!), зачем мне замыкаться этим стиснутым кругом, зачем шаркать в ялтинских человекопотоках, обдуваемому чебуречными ветрами? Я ослаблю свой пресс на курорты для тех, кто воистину пошатнулся печенью или почкой!

И чуткая легкая промышленность под такую ломку сознаний

выпустила резко увеличенные рюкзаки, в продаже известные под названием «абалаковских». И другие промышленности выпустили вполне сносные байдарки, палатки, компасы, примусы «Шмель», автоприцепы «Скиф»...

И освоил-таки отпускник среднюю полосу державы, и даже затаборился по ту сторону Полярного круга. И находил он большую приязнь в рассредоточении, в отдыхе малыми группами, когда нету вокруг миллионного, замораживающего мельтешения лиц, а всего лишь соседствуют с тобой тридцать семь человек, все из разных ведомств и министерств, что опять интересно, не утомительно («А что же это, скажите, за специальность такая — инвеститор? Прогрессивки у них бывают?») И соседствует с нашим отпускником Петр Евграфыч, занимает рядом коттеджик, крайне тонкий природолюб, составитель уникальной фонотеки «Слушай: лягушки!», где премьерствует лично им открытый в майскую ночь трехоктавный лягуш-феномен с реки Учи. И в прочих коттеджиках приятная публика: кто горит идеями замедленной съемки растений, а кто, наконец, просто ложится на постель российской природы, заряжая от нее свои аккумуляторы и конденсаторы нравственных и физических сил.

И вот тут мы нажмем на тормоза: стоп, что за слово было обронено нами — «коттеджики»? Откуда они взялись для отпускников посреди заветной природы?

А взялись они ко времени и очень полезно, потому что наряду с дредноутной неразворотливостью курортных кузниц здоровья стала укрепляться разворотливость и здоровая предприимчивость службы быта.

Не без того и теперь: в штывы и параграфы было принято перспективное дело.

— Это мы знаем,— говорили администраторы известной формации.— Это мы можем взять в толк, что пытаются протаскивать в жизнь отдельные мелкие администраторы под маркой заботы об отпускниках. Пансионатики на тридцать коттеджиков, турбазы на сорок палаточек, кемпинги для «жигулятников» под купами и под кронами... А все для того, чтобы уйти из-под централизованного глаза милиции в отшибную местность. Чтобы легче было списывать да красть там пилочник, сиккативы, оксоль-олифу и скобяной товар! Вот зачем это делается, а никакая тут не организаторская пластичность, никакие там не высокие помыслы!

Понятно, соображения эти были дремучими и берложными. Но мощно цепляли они даже в неискривленных сознаниях ту басовую струну, где сердцевина рачительности помещена в оплетку недреманности. А вдруг и вправду — не инициатива? Вдруг всего лишь — для злоупотреблений?

Оттого на первых порах не то что под лупой — под микроскопом

начала обустривать новый отдых людей служба быта. Но под бурчания, бубнения и ревизорские рейды (а вы знаете также, какое в условиях ослабленного надзора, в тридцати этих домиках без общего коридора с дежурной, может произойти разложение?) появились примеры отличные, достойные тысячи подражаний и широчайшей огласки.

Так, под крылами Уткинского бытуправления образовались три зоны отдыха плюс Дом рыбака. На берегу реки Старой, неподалеку от Уткинска, стоят шесть десятков двухместных домиков: веранда, мебель, холодильник, электроплита, за »все и про все рубль сорок в сутки. Здесь же прокатный пункт службы быта, где бери ты, согласно запросам, хоть спортивную, хоть туристскую сбрую. И над всем над этим — коменданты, паспортисты, завхозы, эксплуатационники, кастелянты, банные истопники — одна все успевающая семья Макавеевых, отец, мать да дочь.

— Ну,— все же обуреваемые подозрительностью, говорили, кому положено, да и теперь говорят,— страна большая, в ней не без Макавеевых. Есть, очевидно, бессребреники, трудаги, есть не ворующие даже тогда, когда их служба удалена от ближайшей милиции более чем на сто семьдесят километров. Но все-таки, в общем и целом, какой-то запашок идет от этой инициативы — строить мелкие пансионаты и базы — какая-то потачка и привкус. В идее мощных санаторных кузниц здоровья есть больше приемлемого. Хотя бы: сеть мелких пансионатов лекционной пропагандой охватить будет трудно. А медицински? Пусть бы себе енот вбежал в город Сочи и при тамошней мощной медицине укусил за ляжку курортника — так ведь в Сочи енот не вбегает, а обязательно он вбежит под Владивостоком, на турбазу в бухте Лазурной. А там средний медперсонал окажет ли помощь? И, опять же, знаем мы это дело, посягают эти мелкие пансионаты, а потом запросы начнут расти: кинопередвижку пришлите, автолавку и парикмахера раз в две недели, а не то, мол, отдыхающие довелись до облика претерпевающих бедствие...

И все-таки под бурчания и бубнения, ставшие ныне уже несколько фоновым, а не совсем распорядительным гулом, клятая всеми, руганная до отсутствия живого места, но все равно ищущая и с нашим будущим — служба быта по всей стране закладывает свои пансионаты и кемпинги. Кругом среди природы появляются маленькие оазисы отдыха миллионов. И терпеливая, скромная служба быта, сдруживаясь с могущественными ведомствами и министерствами, исповедует то прогрессивное, что называется межотраслевой диффузией, ширит и улучшает сеть этих оазисов. И в этом деле любому и каждому, от кого зависит, хорошо бы споспешествовать службе быта. Но славен будь даже тот всяк, кто мог помешать, но хотя бы не мешал диффундированию.

Увы!

Проснувшись, Шепенюк В. Д. не почувствовал себя, как обычно, знатным. Однако в известной степени человек несгибаемой воли, хотя и в беде, натошак он не закурил, под открытой форточкой сделал вольные упражнения и отправился выпускать консервы. Сверхспросные эти консервы в невероятном количестве выпускало Томпакское объединение, во главе которого и стоял Шепенюк.

А в столице республики были уверены, что в этот день приедет сюда только что знатный, а вот уже и опальный директор. И десятки крупнейших республиканских работников уже разыгрывали про себя, как это будет и как они, работники, себя поведут. Значит, туча тучей войдет к ним в кабинет флагман республиканской консервной индустрии, ткнет пальцем в газету и скажет:

— Мало меня без вины бить рублем, так еще и в газете ославили?

А они, республиканские работники, выйдут из-за стола и скажут, приобняв гиганта за плечи:

— Ну, Викентий, ты знаешь ведь, на каком ты кругом счету. Но ведь требовалось, чтобы кто-то понес наказание, а ты — человек-утес, только таких и наказывать, когда наказывать совершенно некого и, прибавим мы, не за что.

Но не приехал в столицу Шепенюк, лишил многих возможности выразить себе соболезнования, поскольку комитетом народного контроля республики был наказан директор на одну зарплату (за

невывоз потребителям готовой продукции), и министр пищевой промышленности (за то же самое) наказал директора еще на одну зарплату.

И вот в чем было дело, товарищи: в таре. Заковыристо и плачевно обстоит у нас дело с тарой, так что и по сей день лишь один вид изделий в стране затаривается стопроцентно и полно — покойники.

Раньше, конечно, было много и много проще. Раньше столь строго не взыскали бы с В. Шепенюка. И ходил бы он в консервопроизводящих законодателях и маяках. Потому что главное было раньше — произвести как можно больше продукции. Что и делал Шепенюк, давая десятки миллионов консервных банок в году, перерабатывая за день до двух тысяч тонн одних только томатов.

Но недавно и молниеносно по всей стране новый выработался обиход: ты не только произведи, но и доведи без остатка произведенное до потребителя, а иначе злокачественная судьба выпадет и тебе, и твоему предприятию.

В этих новых условиях и грянула под Томпаком беда, потому что довести до потребителя свой экстра-продукт Томпак не мог: был отчаянно урезан в упаковочной таре.

Ходили, конечно, слухи, что на родине К. Э. Циолковского, где у нас Институт кулей и рогож, наука работает с беззаветной самоотдачей, дерзает, в прожженных химикалиями халатах стоит на переднем крае и вот-вот порадует лавиной открытий. И всем найдется тогда во что затарить свою продукцию, от тяжмашевцев до гусь-хрустальщиков.

Но что-то затягивалось дело на родине отца ракетоплавания. И даже над выработкой немудреного чурочного коэффициента Институт кулей и рогож потел много лет, а все не мог внести полную всесоюзную ясность, сколько же ящиков дощатой ветхозаветной тары должно получаться из кубометра деловой древесины: сто пятьдесят или же восемьдесят? В этих смутных условиях не до прогрессивных гофрокоробов было консервным производителям, не до сказочного полиэтилена и ударопрочного полистирола, а хоть тарной дощечки вырвать семь тысяч кубов.

А тарная дощечка, как всем известно, — это старый камень преткновения и узкое место. И чтобы все наперед было гладко, все высшие органы южной республики загодя обратились в Госснаб: наши консервы витаминизируют жителей Севера и Дальнего Востока. Наша томат-паста ложится в основу выработки всех дальневосточных рыбных консервов. Учитывая все это, просим прикрепить нас к **РЕАЛЬНЫМ ПОСТАВЩИКАМ ТАРНОЙ ДОЩЕЧКИ!**

— Это же надо! — обиделись в Госснабе. — Будто у нас есть нереальные или, того хуже, призрачные поставщики. Будто мы кого прикрепляли к отраженному в оперном искусстве леспромхозу города Китежа. Да мы вас увяжем с таким деревообделочным заводом, — что

по последнему слову техники! Он вас тарной дощечкой завалит.

И немедленно увязали. И завод этот впрямь был по последнему слову, даже еще не полностью произнесенному. Потому что тот завод не выпускал ничего. Он еще только строился.

— Разве? — сказали в Госснабе.— Да, стало быть, произошла нереальность. Но уж теперь вам дадим таких деловых партнеров, что ах! Вот кого вам даем: Запсиб-, Востсиб-, Дальвостлесосбыты. Это киты деревообработки.

И отобилизовались томпакие консервщики под такие обнадеживающие слова, переработали без потерь все рекордные республиканские урожаи, выпустили гору витаминной продукции, причем на самый изысканный вкус. И вот-вот должны были прийти железнодорожные составы с тарной дощечкой, но все что-то не приходило, а вместо них выстрелила телеграмма от дальневосточных рыбоконсервщиков: «Томпак, поскольку вы сорвали сроки поставки нам пасты-томата, начинаем бить вас штрафными санкциями».

— Да за что же? — через всю страну крикнул Томпак.— В чем наша вина? Мы все лето не спали ночей у консервных поточных линий. Ваш же Дальний Восток нас режет с тарной дощечкой, а вы...

— Ничего не знаем,— сказали рыбники. И через арбитраж первый раз ударили страшными штрафами, потом еще — и пошло.

Тогда, для легальности обряженный в обменщика опытом, из Томпака отбыл на берега Амура толкач. Среди заснеженных таежных просторов и лесосек, взгромоздившись на пеня, летящим голосом кричал он реальным поставщикам о совести, трудовой республике юга, рабочей чести, моральном удовлетворении от материального поощрения и пр. Но все было без пользы, лишь в «Буримэлесе» подошел к пеньку сипатый мирянин, подошел и сказал:

— Ты, товарищ посланец, не толки воду в ступе. У нас, может быть, от явления молнии сгорел лесозавод, и мы, может, его восстановим. А откуда никакой вам дощечки не будет, и советуем брать материал обрезной и необрезной.

Такой странный синагогальный проистек разговор.

— Да зачем же нам та необрезь и обрезь? — закричал, взволнованный, посланец.— Вы гоните нам в срок, что предписано.

— Вы, товарищ, в тайге обнаруживаете детский подход и утомительную настырность,— сказал и ушел сипатый.

А затем и Урыбалкинский деревообделочный комбинат известил юг страны: у нас тьма проблем, так что тарной дощечки не ждите.

Известил и Сестринсклескомплеск: мы должны давать вам фанеру, но не будем давать.

Известили восточные леспромхозы Хонуй и Сизовка в игривом, многозначительном стиле: тарной дощечки не будет, но взамен можем

отоварить пиломатериалом хвойных пород, так что ловите случай.

И вовсе уж на ушко доверительно шепнул консервщикам «Глублеспром»: дощечки нет и вообще не предвидится, но не сторговаться ли нам иначе и полюбовно? Мы вам можем взамен кубометра тарной дощечки отвалить аж по два куба кругляка благородного кедра. Им отделать филармонию или автовокзал — все подохнут от зависти.

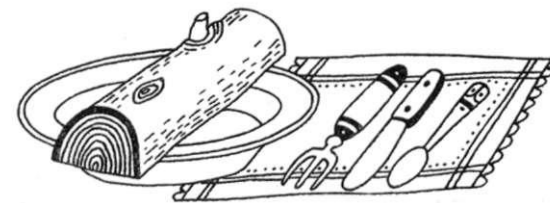
При этом подпись: «Глублеспром. Ядвигин».

Подумать только — наивыгоднейший обмен! И какие открываются перспективы! А коли предложат за пять кубометров тарной дощечки полкубометра кедровых орехов? Или восьмую часть кубометра икры лососевых рыб?

Интересные обменные предложения могут назреть от реальных поставщиков Госснаба.

А пока они назревают, в Томпаке происходит вот что: миллионы банок первоклассной продукции, произведенной еще три года назад, хранению больше не подлежат. Эти банки взрываются, содержимое идет на переработку, затем закатывается в новые банки, а старые из пищевой дефицитной жести идут на свалку. Сотни рабочих, напрочь снятых с производства консервов, вручную воздвигают из невывезенных банок индийские гробницы и пирамиды Хеопса. Все мыслимые помещения в Томпаке арендуются под хранение готовой продукции. Дворец культуры и общежития сезонных рабочих до потолков заштабелеваны корнишонами, патиссонами, соками. Даже вокруг промышленного парового котла в зале котельной бастионом воздвигнуты банки. Но теперь, товарищи, сообщим вам, что не без радости и в этом фантастическом, неправдоподобнейшем деле: за счет перевода на централизованное пароснабжение паровой котел вообще ликвидируется, и, ура, еще один зал целиком будет превращен в консервную усыпальницу.

Словом, если это действительно так, что природа не терпит пустоты, то вскоре все пустоты города Томпака будут заполнены экстраконсервами.

Так было, так будет.

Всегда прогрессу любой отрасли сопутствовало борение идей, школ, взглядов.

— Нет, Лаврентий Аркадьевич, ваша оценка проблемы «хищник — жертва» ошибочна! Вы далеко от переднего края.

— От такого слышу, Аполлинарий Евстахиевич. Это вы плететесь в обозе. Это вы научный повозочник.

— Как же я, когда Нико Тинберген учит...

— Ну и что же, что Нико. А вот Хайндт...

— Хайндт Хайндтом, а придется носом вас ткнуть.

— Кишка тонка, Аполлинарий Евстахиевич. Еще кто кого ткнет.

Признаем: не всегда парламентские выражения сопровождают борение школ, идей, взглядов. Но что замечательно, в большинстве случаев — таковы общепринятые нормы нашего общества — борение ограничивается рамками отрасли и идет ей на пользу. И безвылазно сидит Лаврентий Аркадьевич во главе своей отрасли в лабораториях, а Аполлинарий Евстахиевич, добывая кондроводы, во главе своей школы карабкается на Памир, Копет-Даг и Тянь-Шань.

И потом сойдутся противники, сшибутся в честном бою, молотя друг друга латинскими крылатостями и специальной терминологией, и станет все ясно. К Лаврентию Аркадьевичу державным шагом приблизится Аполлинарий Евстахиевич, пожмет руку и скажет:

— Ваша взяла. Я был немного неправ.

— Что вы, — скажет благородный Лаврентий Аркадьевич, — это я был всего лишь отчасти прав.

И здесь общий выигрыш от борения очевиден, потому что в результате открыты три экологические ниши, один неизвестный

доселе слизень и бесповоротно решено кончать с экстенсивным змееловством, перейдя к интенсивному змееводству.

Однако не всегда столь приятно и здравомысленно складывается картина. И другими путями вырешается производственное несогласие сторон. Тогда говорит одна оппонирующая сторона другой:

— Зря вы на меня ополчились так люто. Зря вы настаиваете повысить вольтаж в ущерб ваттажу. А кстати, вы испытываете трудности со стоянкой для лодки. Ведь так? А у меня на примете есть отличное место. Охраняемая стоянка, и рукой подать от Москвы, и плата наисимволичнейшая. Также сообщу: вы стоите в очереди на приобретение кобелька кокер-спаниеля. Вы в науке без малого представитель течения — а стоите в очереди! Вот по этому телефону вам давно уготовлен шенок, и цена чисто условная.

Со стыдом признаем, что такие методы утрясения производственных разногласий иногда, но вскрываются. Порочное, естественно, дело, тем не менее в нем не так уж все плохо. Отметим положительную сторону этой практики: здесь сильная сторона не отвинчивала слабой голову, не хряпала слабую сторону через колено, не втаптывала ни во что податливое. Бескровно все разрешилось и при общем согласии. (Правда, в прогрессе отрасли наметилось легкое топтание на месте.)

И, классифицируя производственные борения, отметим третий их сорт, самый опасный. Здесь все идет по закону, который гласит: на войне — как на войне. Бывают раненые, бывают убитые.

Всякой отрасли и всякому подразделению полагается стоящий во главе угла командир. И если большинство командиров требует от подчиненных смотра в корень, то отдельные командиры требуют, чтобы смотрели им в рот. Дабы непогрешимым и светильником разума воспринимался подчиненными командир производства, и на всякое выкаблучивание командира коллектив отзывался таким восхищенным, сильным до порывистого «ах!», чтобы с веревок срывалось белье. В противном же случае...

Противные же случаи возникают все чаще и чаще. Наверное, дело тут в бурном росте профессионализма и достоинства подчиненных. И уже там и сям недостаточно подчиненным, когда говорит поставленный во главу угла:

— У меня есть точка зрения, и я ее разделяю!

На это в ответ раздается деликатнейший голос:

— Ваша точка зрения, Семен Афанасьевич, идет вразрез с экономической целесообразностью решения вопроса.

Здесь наступает подземная тишина.

— Это кто такой квакнул? — говорит глава. — Это кто у нас семи пядей во лбу? Это вы сказали, Перфильев? Да у вас площадь лба такая — мухе испражниться негде, а туда же — шевелит мозгами!

И какие здесь открываются возможности для прищемления

к ногтю вольнодумца Перфильева? Как ввести его в привычные рамки и обломать? А так: нагрузить длительной командировкой для невестри в семье Нового года. Пригвоздить в стенной газете за курение сигарет «Ява-100», тогда как все курят «Яву-60», за счет укороченное™ которых изыскивают добавочное время для производственных нужд. Вычеркнуть Перфильева из учрежденческой очереди на «Москвич», дать зловещую характеристику как поступающему в заочный университет культуры, лишить льготной путевки, отпуск разрешить в ноябре.

И что же? Страшно сказать, товарищи: в исторически обозримые времена за глаза хватило бы всех этих мер, чтобы обломать, обезгласить там и сям производственного инакомыслящего. Сегодня же — уже недостаточно. Возросла упорность в подчиненном народе.

Поэтому сразу поняли в Институте подземного дела, из каких будет научная сотрудница Н., что за фрукт. Все согласны с любимым начальником по всем могущим возникнуть вопросам, а эта будет прекословить, иметь свои взгляд и мнение. У нее, извольте, арктическая практика за плечами, восемь лет преподавания в институте, и она кандидат наук!

Да, не взять эту Н. посулением ей шенка или стоянки для детской коляски, не приписать ей попытки присвоения зарплат с тринадцатой по семнадцатую, не обуздать и не приструнить далекой командировкой. А коль она закоренело протестует против грубостей руководства, против кажущейся ей малопрофессиональной начальственной редакции ее научных статей и трудов, надо так ударить по ней, чтоб не встала. Надо такую найти болевую точку, чтобы враз сшибить несогласную с ног. И, коли в производственной сфере ее ничем не угрызть, надо вынести на производственное совещание что-нибудь из быта Н., откопать как бы прятный факт личной жизни. Ну, например, вот была бы неплохая тема для производственного совещания в конференц-зале, с трансляцией через усилитель: «К вопросу о далекой от классических эталонов форме мочек ушей Н. и недостаточной миндалевидности ее ногтей».

Или, знаете ли, ездят по городу машины ГАИ, о трагизмах оповещают в рупор, какой пешеход и где дезорганизовал движение. Вот если бы про Н. известили, что она не только перешла в неполюженном месте, но и пыталась скрыться от уплаты штрафа на месте! Это бы включить в повестку производственного совещания — милое и беспронгрышное дело!

А страшно сказать, до чего изворотлива женщина Н.: и мочки ушей черт-те в каком порядке, и ногти миндалевидные, и переходит в положенном месте.

Тогда, не потерявшись и в этих трудных условиях, Н. пригласили в кабинет. И заведующий лабораторией штреков и лав в присутствии остальных официальных лиц института так сказал Н.:

— Видите эти добытые нами бумаги? Или вы прекращаете свои несогласия насчет моей редакции ваших статей и трудов, или у нас есть способ вас вразумить. Мы в два счета можем поставить вопрос о том, что ваш многолетней давности брак был фиктивным, чтобы усыновленный вами ребенок как бы имел отца.

Да, нашел болевую точку завлаб, да какую — ребенок! И немедленно было скликано страшное производственное совещание. Здесь, забыв о чести, забыв о том, что, в конце концов, дозволяется одному гражданину в отношении другого, а что — не дозволяется никогда, подменяя собой все и вся государственные органы и инстанции, специалисты подземных работ с трибуны производственного совещания ставили вопрос ни больше ни меньше — о лишении Н. родительских прав.

И, отцентрировав галстук, очередной оратор корявыми пальцами лез в душу женщины-матери. И один оратор просто так, так ему это виделось, говорил о том, что Н. аморальна, отчего доверять ей воспитание ребенка нельзя. Другой оратор на основании изложенного предлагал изгнать Н. из института, а ученую степень ее просить аннулировать. Третий учено предлагал показать Н. если не психиатру, то уж невропатологу. Словом, все было, все предлагалось докладчиками. Двух вещей только не было на производственном совещании: ничего, ни слова не было о производстве, и еще — ни один, товарищи, человек (а имел на это право любой человек, хоть самого малого звания) просто по-граждански в этом зале не встал и не крикнул беспрецедентному сборищу:

— Горнорудники и коллеги! Где, подлецы, у вас совесть, стыд и правосознание? Немедленно прекратить!

Но не крикнуто было, не прекратили, даже вошли во вкус разрешения производственных разногласий через личную жизнь разногласчика.

И теперь работники Института подземного дела очень удивлены, что их делом занимается прокуратура. Жаль, право же, ведь какой найден был метод наведения в учреждении тиши и глади. Простой, бесхитростный метод, почти цирковой, где начальствующий Белый клоун говорит Рыжему клоуну:

— Твоя доктрина, Рыжий, мне не подходит, а поэтому получи по сусалам батоном!

После чего в одностороннем порядке бьет Рыжего по сусалам батоном — короткой тростью, а к ней присобачено нечто вроде мухобойной подметки, чтобы гульче был звук оплеухи, и еще пинка дает Рыжему, причем Рыжий даже не вправе улететь за кулисы в слезах, а на третьем после пинка кульбите обязан обворожительно улыбнуться и авиапочтой послать воздушный поцелуй всем, всем, всем присутствующим.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А был ли мальчик?	2
Эй, ухнем!	5
Пуховый птенец пингвина	9
Вся правда о Чешуёве	15
Если вбегает енот	36
Природа не терпит пустоты	40
Всем, всем, всем!	44

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ МОРАЛЕВИЧ

ПУХОВЫЙ ПТЕНЕЦ ПИНГВИНА

Редактор С. С. СПАСКИЙ.

Техн. редактор С. М. В а й с б о р д.

Сдано в набор 28.11.80 г. Подписано к печати 13.02.81 г.
А 05035. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 3,03. Тираж 75 000. Изд. № 516.
Заказ № 113. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина
Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.